

И. А. ГАРБУЗОВ

...и, впрочем, на свете много-много и такой. Сам бы автор
лучше сам себе и проложил путь. «Малый Родник» — это неслучайно
название, так же, как и «Малый Родник» — это неслучайно
название. И в самом деле, автор неслучайно выбрал себе название, а автору свой родной исто-
чок или хутор — это неслучайно. Почему так? Как жила жизнь, до той
когда в земле была? Почему и в земле была? Почему и в земле была? Почему и в земле была?
Почему и в земле была? Почему и в земле была? Почему и в земле была? Почему и в земле была?
Почему и в земле была? Почему и в земле была? Почему и в земле была? Почему и в земле была?

Перед автором — это неслучайно. Автор неслучайно выбрал себе название, а автору свой родной исто-
чок или хутор — это неслучайно. Почему так? Как жила жизнь, до той
когда в земле была? Почему и в земле была? Почему и в земле была? Почему и в земле была?
Почему и в земле была? Почему и в земле была? Почему и в земле была? Почему и в земле была?

НЕСВЕТАЙСКИЕ СЛОБОДКИ (СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ХУТОРА ШЕВЧЕНКО)

...и, впрочем, на свете много-много и такой. Сам бы автор
лучше сам себе и проложил путь. «Малый Родник» — это неслучайно
название, так же, как и «Малый Родник» — это неслучайно
название. И в самом деле, автор неслучайно выбрал себе название, а автору свой родной исто-
чок или хутор — это неслучайно. Почему так? Как жила жизнь, до той
когда в земле была? Почему и в земле была? Почему и в земле была? Почему и в земле была?

...и, впрочем, на свете много-много и такой. Сам бы автор
лучше сам себе и проложил путь. «Малый Родник» — это неслучайно
название, так же, как и «Малый Родник» — это неслучайно
название. И в самом деле, автор неслучайно выбрал себе название, а автору свой родной исто-
чок или хутор — это неслучайно. Почему так? Как жила жизнь, до той
когда в земле была? Почему и в земле была? Почему и в земле была? Почему и в земле была?
Почему и в земле была? Почему и в земле была? Почему и в земле была? Почему и в земле была?

Н. А. ЛАВРОВ

ИСТОРИЯ ХУТОРА ШЕВЧЕНКО
НЕСВЕТАНСКИЕ СЛОВИКИ

К читателю!

Нет, наверное, на свете такого человека, который был бы абсолютно равнодушен к прошлому своей «Малой Родины», того населенного пункта, где он родился, вырос, состоялся как человек. Все мы, хоть раз в жизни, да задавали себе вопрос, а почему мой родной поселок или хутор носит именно такое название? Как жили здесь, на этой самой земле наши деды и прадеды, что сделали они во благо процветания родной земли? Кто из них оставил после себя добрую память? Такой интерес понятен и объясним: это наша земля, мы здесь живем, поэтому нам вовсе небезразлично ее прошлое.

Перед Вами не детальное описание прошлого хутора Шевченко, автор не ставил перед собой такой задачи, да и формат публикации не позволяет этого сделать. Предлагаемая брошюра представляет собой сборник зарисовок из минувшего маленького степного хутора. Подобраны они таким образом, чтобы читатель смог представить себе, как жили здесь люди на заре его существования, как менялись условия жизни с течением времени, как хутор пережил переломные моменты отечественной истории – Гражданскую войну, коллективизацию, Великую Отечественную.

О современной и близкой по времени жизни хутора читатель из этой книжицы не узнает ничего: она, эта жизнь, у него перед глазами, и автор не берет на себя смелости делать какие-нибудь выводы из опасения показаться субъективным, предвзятым. Здесь – только прошлое, эпоха дедов, прадедов, а для тех, кому за 40 – это время юности их отцов. Автор искренне надеется, что предлагаемая брошюра хоть в какой-то мере будет способствовать расширению кругозора читателей в области познания ими истории своей «Малой Родины».

Автор

1. СКВОЗЬ МГЛУ ВЕКОВ

Хутор Шевченко – один из трех населенных пунктов, входящих в состав Алексеевского сельского поселения. В нем насчитывается немногим более ста домовладений, проживает около 300 человек. Своей северной окраиной хутор на 300 метров отстоит от южной окраины села Алексеевка, а южной почти соединяется с хутором Авилов Родионово-Несветайского района.

Окрестности хутора активно осваивались человеком еще в глубочайшей древности. Подтверждением этому могут служить обнаруженные в последние полтора десятилетия памятники старины. Один из них – стоянка-поселение первобытного человека. Располагается она примерно в 250 метрах от юго-западной окраины хутора по довольно крутому склону холма. Датировать стоянку достаточно точно пока не представляется возможным, поскольку специальных исследований не проводилось, осуществлялись лишь разведочные работы. Ориентировочно же стоянку можно отнести к периоду от нижнего палеолита до неолита, то есть от позднего периода древнекаменного века до новокаменного. Самое меньшее – стоянке 6-7 тысяч лет.

Небольшое, овальной формы плато длиной всего в 100-120 метров и шириной несколько меньших размеров, разрезанное почти пропорционально надвое большим и глубоким оврагом – так выглядит стоянка в наши дни. Во время проведения разведочных работ тут был собран разнообразный специфический археологический материал: кремневые скребки, рубила, шильца, сколы, отщепы. Довольно часто попадает чешуя крупной рыбы. Многие кремни обожжены еще в древности. Все найденные изделия изготовлены из темного и темно-серого неоднородного кремня, который добывался первобытным человеком здесь же, рядом со стоянкой, несколько ниже по склону балки...

Обнаруженный материал позволяет в общих чертах сделать некоторые выводы относительно рода занятий первобытных людей на берегах Малого Несветая. В ту пору, в эпоху таяния ледника данная река представляла из себя мощный водный поток шириной в 2-2,5 километра и в несколько десятков метров глубиной. Естественно, древнейшие обитатели этих мест занимались, главным образом, рыболовством. Вспомогательным родом занятий была охота.

Расположена стоянка террасообразно, один культурный пласт ступенькой нависает над другим. Это – следствие воздействия грунтовых вод, постепенно подмывающих поселение, которое медленно оседает. Судя по размерам стоянки и количеству найденных предметов,

можно сделать вывод, что одновременно тут могли проживать примерно три-четыре десятка человек. Значительное по масштабам своего времени поселение.

Сколько времени просуществовала древняя стоянка и какова была судьба ее обитателей? Однозначного ответа нет. Придя на берега Малого Несветая во время активного таяния ледника, первобытные охотники и рыболовы, скорее всего, покинули эти места (или были истреблены пришельцами) с наступлением бронзового века, когда сюда пришли сначала земледельческие племена, а затем кочевники-скотоводы так называемой «ямной культуры» (названной так по типу погребения умерших – в неглубоких ямах). Произошло это в IV-III-м тысячелетиях до нашей эры.

Кстати, на территории Алексеевского сельского поселения, по балке Бугултай, на границе с землями, относящимися к городу Новошахтинску, имеется еще одна, аналогичная стоянка первобытного человека. Ближайшая исследованная уже достаточно основательно археологами подобная стоянка – «Бирючья балка», расположенная на территории Константиновского района.

Одна историческая эпоха сменяла другую. Приходили и растворялись в глубине времен различные племена и народы. Они исчезали, но не бесследно, оставив после себя немало немых свидетелей своей жизни и деятельности. Это, прежде всего, курганы, искусственные холмы, насыпанные над могилами умерших. Иной раз встречаются одиночные курганы, а порой – целые комплексы. Один такой комплекс, состоящий из семи курганов, шесть из которых сильно распаханы, находится в 1 – 2,5 километрах к западу от х. Шевченко.

Раньше, всего несколько десятилетий назад на вершинах многих таких курганов стояли вытесанные из каменных глыб-монолитов разного размера изваяния, изображавшие древние божества. В народе эти истуканы именуются «каменными бабами». Некоторые из них в настоящее время выставлены в экспозиции историко-археологического музея-заповедника «Танаис».

Великолепно сработанная «каменная баба», которую специалисты датируют XII-м веком нашей эры, историческим периодом времени, когда в Нижнем Подонье жили кочевники-половцы, долгое время выполняла роль скамеечки-завалинки возле подворья Слепченко х. Шевченко по ул. Суворова. Потом ее сначала перевезли в Алексеевскую среднюю школу №48, а уже оттуда, в качестве дара от коллектива педагогов и учащихся, весной 1989 года была передана в «Танаис».

Осенью 1990 года огромную статую, вернее, ее верхнюю половину (она была в древности обломана ровно на уровне пояса) нашли в

2-х километрах к юго-западу от хутора, на самой границе с Родионово-Несветайским районом. Дата изготовления истукана та же – XII-й век. Половецкая «баба».

В декабре 1996 года в 2,5 километрах к западу от Шевченко на поверхности распаханной курганной насыпи на краю лесополосы была обнаружена огромная «каменная баба». Рельефное, выпуклое и очень грубо выполненное изображение древнего божества сделано лишь с одной стороны – передней. Следы огня и глубокие отметины на изваянии говорят о том, что оно было низвергнуто со своего капища еще в глубокой древности, примерно за восемь столетий до нашей эры. Не исключено, что воздвигли статую легендарные киммерийцы, покинувшие донские степи как раз в этот исторический отрезок времени.

Второе изваяние было обнаружено тогда же, зимой 1996 года на восточной окраине хутора, на свалке бытовых отходов, рядом с базой тогдашнего КФХ «Людмила». Эта статуя оказалась без головы, все же остальные детали сохранились превосходно. Изваяние типично восточное с характерными тюркскими чертами: массивный торс, очень мощные бицепсы, крепкое основание-седалище. Датируется памятник старины опять-таки XII -м веком. Это – «классическая половецкая каменная баба».

Окрестности хутора до сих пор хранят в своих недрах следы былых сражений, что разыгрывались здесь в разные исторические периоды – это так называемые «ратные поля». Так, по склонам балки Улюк после сильных дождей весной и осенью (когда в почве нет травяного покрова) можно обнаружить сильно поврежденные временем бронзовые и медные бляшки, на которых изображен мифический хищник – грифон, терзающий льва или тигра. Такого рода сюжеты для Подонья и Приазовья не свойственны. Зато они характерны для региона Малой и Передней Азии. И действительно, бляшки попали в нашу местность именно оттуда. Эти бляшки – память о пребывании здесь в 514 году до нашей эры несметных полчищ одного из великих завоевателей древности персидского «царя царей» Дария Ахеменида.

Подробности пребывания владыки Персии в наших краях описаны в 4-й книге знаменитой «Истории» Геродота, известного древнегреческого историка, прозванного современниками за создание своего труда «Отцом истории».

В нашей местности тогда проживали кочевники, которых греки (и мы вслед за ними) именовали скифами (сами же они называли себя «сколотами»). Когда Дарий вторгся со своим бесчисленным войском в скифские пределы, кочевники, ввиду значительного численного пре-

восходства неприятеля, опасаясь истребления, избегали открытых сражений, активно применяя при этом партизанскую тактику: выжигали на пути следования персидского войска степь, уничтожали мелкие отряды разведчиков и фуражиров. Это дало свои результаты: сюда, в Восточную Скифию Дарий добрался уже с порядком обессиленным войском и, поняв всю бесперспективность дальнейшей военной кампании, повернул назад, бросив на произвол судьбы больных, раненых и ослабевших воинов. С одним из отступавших персидских отрядов и произошло сражение на землях в окрестностях современного хутора Шевченко. Скифы-победители убитых врагов наскоро похоронили, предварительно ограбив и раздев до нитки – по обычаям той далекой эпохи, но очень много завоевателей осталось навсегда лежать в густых зарослях терновника. Кости их со временем растащили хищные звери и птицы, и единственное, что сохранилось до наших дней от воинов грозного «царя царей» – это медные и бронзовые бляшки, изъеденные временем...

Курганная группа, что расположена к западу от хутора, являет собой некрополь – массовое захоронение, одновременно может служить и примером «ратного поля», только уже совсем другого времени, более приближенного к нашим дням. На пахоте вокруг семи курганов можно обнаружить множество обломков керамики (посуды, ваз, кувшинов, мисок). Попадаются, правда, довольно-таки редко и хорошо сохранившиеся наконечники стрел. Керамика изготовлена грубо, даже примитивно, обожжена плохо, иной раз слеплена даже без применения гончарного круга, кое-где на глине увековечились отпечатки пальцев мастера-гончара. Датируются абсолютно все без исключения находки одним временем – самым концом XIV-го века нашей эры, эпохой заката и упадка Золотой Орды. Эта курганная группа – свидетель пребывания в наших краях еще одного знаменитого завоевателя прошлого – Тамерлана, правителя Самарканда.

В 1395 году эмир Тамерлан, потомок Чингиз-хана, известный также под именами Тимура, Тимур-бека, Тимур-ленга, вторгся в пределы Золотой Орды, разбил ее повелителя хана Тохтамыша и широким фронтом («облавой», как говорится в русских летописях) двинулся к Азаку – морскому порту и важной крепости, стоявшему на месте теперешнего Азова. Татары-ордынцы боя не принимали, те же их отряды, которые встречались на пути завоевателей, беспощадно истреблялись – Тамерлан славился своей жестокостью.

Так произошло и здесь. Золотоордынский отряд был частично перебит, частично рассеян. Тамерлан торопился к Азаку и никого не пре-

следовал. Когда завоеватели ушли своей дорогой, уцелевшие ордынцы погребли своих убитых, устроив на их могилах погребальный пир – тризну, которая сопровождалась битьем использованной посуды...

Еще один любопытный исторический факт имеет к нашим краям самое непосредственное отношение. Связан он с речкой Малый Несветай, разделяющей хутор на две половины. В наши дни это всего лишь рядовая заштатная степная речушка. А несколько столетий назад она была широкой, полноводной, по ее берегам росли густые леса, а по водной глади проходили караваны судов. До сих пор из уст местных жителей можно услышать, что по Малому Несветая якобы проходили боевые суда Петра Первого во время его второго Азовского похода в 1696 году. И даже места покажут, где петровские суда некогда приставали к берегу. Места подходящие, и суда действительно приставали к берегам Малого Несветая. Только не во времена Петра, а значительно раньше, примерно, на 150 лет...

Со времен Золотой Орды в районе современного украинского города Артёмовск, Донецкой области, на Бахмутских копях добывали соль. Вплоть до середины XVI-го века большую часть добытой соли без особых приключений доставляли от Бахмутских солеварен на возах к берегам Северского Донца, там перегружали на специальные грузовые суда – «будары» – и далее уже по воде перевозили груз к Азову – турецкой крепости и одновременно административному центру Азовского пашалыка (санджака) Османской империи (Оттоманской Порты).

Сначала татарские, а несколько позднее – ногайские мерзые неплохо наживались на соляной торговле. Препятствий в этом деле им никто не чинил. Кругом голая степь, полноводные реки, берега которых были покрыты густыми лесами – все это служило гарантией безопасности. На случай же забредшей невесты откуда небольшой кочевой орды имелась охранная грамота хана, которая именовалась «пайцза». Согласно историческим источникам, текст такой «пайцзы» гласил следующее: «Силою вечного неба. Покровительством великого могущества. Если кто не будет относиться с благоговением к воле хана, тот подвергнется ущербу и умрет».

Так продолжалось до времен Ивана Грозного, когда в «Диком поле» один за другим стали возникать казацкие «городки», впоследствии получившие название станиц. Среди таких возникших по Дону городков был и Раздорский. Раздорские казаки очень скоро и надежно перекрыли татарско-ногайский торговый путь по Северскому Донцу и далее – по Дону. «Большой соляной шлях» навеки прекратил свое существование.

Турецкий Азов и ногайские племена, кочевавшие в низовьях Дона и Кубани, не могли оставаться без бахмутской соли. Нужно было взамен утерянной искать новую водную артерию. И она была найдена, причем не одна. Теперь из района солеварен под усиленной охраной торговые караваны доставлялись к отрогам Донецкого кряжа, в район современного города Новошахтинска, где соль перегружали на «будары», после чего, разделив их на два каравана, отправляли в путь по Большому и Малому Несветаям. Делалось это из-за опасения возможного нападения казаков, из простого расчета что хоть один караван доберется до места назначения. Два Несветая не были единственными водными артериями «Малого соляного шляха», соль также сплавлялась и по другим степным речкам, в данном случае речь идет лишь об одной из ветвей торгового пути.

Караваны «бударов» соединялись у реки Тузлов, что означает «соляная река» (не соленая, а именно «соляная», то есть такая река, по которой перевозят соль) и далее следовали к конечной цели маршрута – Азову. Никаких препятствий дальше не было. Черкасского городка (теперешней станицы Старочеркасской) тогда, в годы царствования Ивана Грозного еще и в помине не было. С его же возникновением был перекрыт и этот торговый путь, а вскоре и сами Бахмутские солеварни были захвачены донскими казаками. С того времени торговые суда по Малому Несветая не ходили. И боевые тоже. Что же касается петровского флота, то он продвигался к Азову по Дону и появление его здесь – всего лишь красивая местная легенда...

Со времен «Малого соляного шляха» и примерно до конца первой четверти XIX-го века наши места были абсолютно безлюдными. Скорее всего, именно потому, что славянское население появилось здесь сравнительно поздно, местность в значительной мере сохранила свою прежнюю, дославянскую топонимику (географические названия на местности). Преобладают тюркские названия.

В Малый Несветай впадают своими ручьями, к нашему времени уже полностью или почти полностью пересохшими, балки Бугултай, Джемельтай, Курутай, Каратай, Манкирь и Улюк. Слово «тай» в переводе на русский означает «вода» или «река». В позднее Средневековье тюрки – татары и ногайцы слово «вода» произносили как «су» или «сай»: Аксай означает «белая вода». Видимо, топонимические названия были в нашей местности даны задолго до появления здесь татар и ногайцев, скорее всего, если за основу брать архаическое произношение слова «вода» – «тай», то получается что наши ручьи и балки получили свои названия во времена ранних тюрков – хазар, то есть свыше тысячи лет назад.

С течением времени некоторые из указанных выше топонимов «ославянились». Так, балка Джемельтай потеряла свою последнюю букву и сейчас походит на женское имя – Джемельта, а балка Каратай, потеряв вторую букву «а», превратилась в Картай-балку. Каратай переводится на русский как «черная вода» либо «черная река». На Дону довольно много водоемов под названием Аксай и Каратай. Объясняется это довольно просто: в тюркских языках цветом иногда обозначали стороны света, в частности, белым – север, а черным – юг. Таким образом, «Каратай» звучит как «южная вода», «южная река», обозначая тем самым южные пределы владений какого-то племенного союза ранних хазар, а Аксай, следовательно, северную границу, но уже других, более поздних кочевников.

К самой южной окраине хутора Шевченко спускается амфитеатром широкая балка Курутай. В своем названии она тоже претерпела некоторое изменение, потеряв в середине слова букву «л». Первоначальное название балки звучало как «Курултай», то есть «река народу» – место, где в древности хазары проводили народные собрания и различные праздничные мероприятия. Действительно, место для такого рода собраний очень подходящее: внизу располагались племенные вожди, дружина, жрецы, а по пологим склонам балки – рядовые общинники, громкими криками выражавшие свое одобрение или, наоборот, несогласие с предложением «верхушки». Таким образом, через топонимические названия память о живших здесь хазарах через века и тысячелетия дошла до наших дней...

2. В НАЧАЛЕ ПУТИ. «ХАМСКИЕ СЛОБОДКИ»

Освоение берегов Малого Несветая казаками началось сравнительно поздно, в самом конце первой четверти XIX-го века. Тогда казаки-конезаводчики начали выпасать тут многочисленные табуны лошадей, и по обоим берегам реки стали возводить небольшие домики-временки, где жили отарщики – так тогда назывались пастухи лошадей. Назывались такие домики «точками». Отголоски того времени сохранились до сих пор в названии небольшого населенного пункта – «5-я точка Конезавода» (или просто «5-я точка»). Жили «на точках» в сезон выпаса лошадей в данном месте.

Так продолжалось несколько десятилетий. Наконец, в середине 60-х годов XIX-го века неподалеку от «Белой кручи», самого высокого места в округе, появился хуторок казака Грушевской станицы Харитона Ленинова.

Когда автор этих строк только начинал заниматься краеведением, в начале 70-х годов прошлого столетия, тогдашние шевченковские и алексеевские старожилы, повествуя о хуторе Ленинова, сообщали противоположные сведения о судьбе хозяина хутора. Согласно одной версии, в начале 70-х годов у Ленинова умерла жена, и, оставшись вдовцом с двумя девочками-подростками – Екатериной и Глафирой, уехал обратно в Грушевскую, разобрав предварительно строения своего хутора и вырыв фундамент, как того требовали обычаи времени.

По другой версии, всю семью Ленинова вырезали в степи по дороге на ярмарку на месте современного хутора Калиновка, Родионово-Несветайского района. Старожилы даже называли приметы места, где будто бы находились могилки. Поскольку Калиновка основана только в 1930 году, то местные жители никакими сведениями не располагали. Но факт наличия могилки на месте современной застройки подтвердили. Поэтому неясно, на самом ли деле нашли там свою последнюю обитель Ленинов с домочадцами, или же они все вернулись в Грушевскую, а на Калиновке погребены совсем другие люди. Но, так или иначе, а хутор Ленинов прекратил свое существование, оставшись лишь в памяти старожилов 70-х годов минувшего столетия...

В 1866 году, в день Успения Пресвятой Богородицы был образован путем слияния нескольких мелких населенных пунктов казачий хутор Малый Несветай. Основное занятие казаков того времени – коневодство, скотоводство и рыболовство. Земледелие же начало развиваться с 80-х годов XIX-го века, после прибытия первых больших групп крестьян-переселенцев из Украины – «хохлов», основавших на левом берегу слободку Полтава, названную так в память об исторической Родине переселенцев.

Сами казаки, владевшие землей, в силу специфического уклада жизни, связанного с воинской повинностью, не имели возможности обрабатывать выделяемые им на каждую душу мужского пола войсковые пай, и сдавали землю в аренду «хохлам». Арендная плата за землю была относительно небольшой, и это способствовало прибытию новых и новых групп переселенцев.

В 1882 году на правом берегу Малого Несветая, неподалеку от исчезнувшего хутора Ленизова новочеркасский чиновник, уроженец Грушевской станицы Никандр Павлантьевич Зацепин построил «усадьбу». Сейчас бы это назвали «дачным бунгалом». Сам Зацепин приезжал «на усадьбу» на лето, в остальное же время года за хутором присматривала семья татарина Осипа Тугаева. Его сын Иван Осипович служил уже управляющим имением, поскольку к началу XX-го века Н. П. Зацепин взял у казаков в аренду большой участок земли и стал нанимать из числа иногородних рабочую силу для обработки. Хутор Зацепина или «Зацепин хутор» считался казачьим, поскольку его основателем и владельцем был казак. Фактически же казаков до революции там не проживало ни одного.

Спустя еще три года по обоим берегам Малого Несветая были основаны небольшие «хохлацкие» слободки: Бочаны (теперешняя улица Суворова х. Шевченко), Дошаны (Северная), Сычевка (Степная) и Курутяны (дальний угол улицы Подгорной). В фондах Новошахтинского городского краеведческого музея еще в 1973 году автору этих строк удалось обнаружить имена самых первых крестьян-переселенцев, поселившихся на месте современного хутора Шевченко. Это Федор Павлович Стрюков и его супруга Наталья Аркадьевна. Оба неграмотные. «Тавричане», то есть выходцы из Таврической губернии. «Тавричане» – потомки запорожских казаков («козаки»), осевших в Таврии после разгрома Запорожской Сечи во времена Екатерины Второй. Прямые потомки Стрюковых – Александр Алексеевич и Владимир Алексеевич Резниковы со своими семьями, проживают в хуторе Шевченко в настоящее время.

В первые годы существования слободок обитатели их были абсолютно бесправными. Иногородним даже запрещалось строить жилые дома на фундаментах. Этим самым «хохлам» показывалось, что они на казачьей земле – временщики и не имеют права «укореняться» на Дону. Со временем запрет строить дома на фундаментах, и ему подобные, был снят.

Поселения иногородних вокруг казачьих хуторов именовались среди здешних казаков «хамскими слободками». Южнорусское слово «хам» имеет мало общего с устоявшимся «классическим» понятием: в русском языке «хам» означает наглый, циничный, напористый мужлан. В казачьей среде «хамами» звали всех без исключения не казаков, приехавших на Дон и поселившихся на казачьих землях. «Приехал хамом» – значит, переселился на Дон не казаком. Обидного оттенка это выражение не носило.

Бочаны, Дошаны, Курутяны и Сычевка – типично «хамские слободки», казаков среди их обитателей не было.

Отличительная особенность таких слободок – их подчеркнутое положение предместий казачьего хутора Малый Несветай. Главная особенность – иногородним не позволялось иметь при слободках кладбищ, покойников надлежало хоронить на хуторском кладбище. Эта особенность сохранилась в хуторе Шевченко до сих пор – кладбища здесь нет...

Вслед за Стрюковыми, спустя некоторый промежуток времени, в разных слободках теперешнего хутора Шевченко стали селиться семьи других переселенцев, все тех же «тавричан» – Резниковы, Мозговые, Ляшенко. Это были первопоселенцы. Многие их потомки сейчас проживают в Шевченко.

Следующая волна переселенцев, более мощная, относится уже к началу XX-го века. В октябре 1906 года указом императора Николая Второго крестьяне были уравниены в правах с другими сословиями Российской империи. Это способствовало переселению безземельных на Дон, равно как и начало Столыпинских реформ. Вторая волна состояла уже не из «тавричан», а из собственно украинцев. В массе своей – из Полтавской губернии. Это были семьи Сердюковых, Зинченко, Усенко, Левченко, Недвига, Шевченко.

Обе волны переселенцев, и «тавричане» и собственно украинцы разговаривали хоть и на одном языке – украинском, но на сильно отличающихся друг друга диалектах. Постепенно из разных диалектов сложилась местная «балачка», состоявшая из причудливой смеси центральноукраинских, южноукраинских слов и местного казачьего говора. «Балачка» прочно удерживала свои позиции вплоть до середины 60-х годов прошлого века, а порой встречается и в наши дни. Правда, сейчас «балачка» присуща лишь людям преклонного возраста, и современный хутор Шевченко – типичный русскоязычный населенный пункт Юга России.

Строения «хохлов»-переселенцев совершенно отличались от привычных на Нижнем Дону казачьих куреней. Это были довольно продолговатые мазанки, которые весной и перед большими праздниками подбеливали. Строились они из самана – необожженных кирпичей из смеси глины или земли и соломы. Назывались мазанки на украинский манер «хатами».

Крыши такой хаты перекрывались обычно камышом (или соломой – в случае отсутствия в данный момент камыша). Заготавливали слобожане камыш после обязательной жеребьевки. Каждой слободке выделялся на реке строго определенный участок, и вытянувший жребий крестьянин выкашивал камыш (правда, выражение «выкашивать» или же «косить» по отношению к камышу в наших краях никогда не употреблялось, тут говорили «бить камыш»). Вне очереди «бить» камыш могли только лишь погорельцы.

Шли годы, рос приток крестьян-переселенцев, активно велось жилищное и хозяйственное строительство. Камыша требовалось все больше и больше. Его стало остро нехватать, и жители «хамских слободок» потянулись к хуторскому атаману с жалобами друг на друга, «сутяжились». Отсюда сами участки для выкашивания камыша до революции в народе именовались «сутягами». Уже после революции они получили более нейтральное наименование «чеков». Просуществовала система «сутяг-чеков» до начала 50-х годов XX-го века, когда на смену камышу стала активно приходиться черепица. С того же времени, как только в камыше отпала надобность и его перестали регулярно и аккуратно «бить», он разросся и сейчас занимает подавляющую часть русла Малого Несветая, превратившись из полезного растения в обыденный бурьян...

Среднестатистическая хата «хохла» из предместий казачьего хутора Малый Несветай выглядела следующим образом. Перед фасадом хаты в обязательном порядке (что казакам было абсолютно не присуще) был разбит цветник, огороженный низким забором или плетнем. Перед забором либо стояла лавка, либо же лежало бревно, выполнявшее функции завалянки. Сами завалянки как таковые здесь напроочь отсутствовали – они не были присущи украинским регионам. Завалянка – типично центрально-русской атрибутика.

На улицу хата выходила, как правило, двумя, крайне редко – тремя окнами, которые каждый вечер закрывались, а по утрам открывались хозяевами. Сейчас же ставни закрывают только при сильной жаре летом и при морозе зимой.

Сама хата состояла из двух комнат. В передней располагались две печи, привычная для нас «грубка» и так называемая «русская». В последней готовились разнообразные блюда крестьянской кухни – хлеб, борщ, каша, а во второй они разогревались, поскольку хозяева варили блюда на несколько дней вперед. На русской печи в холодное время года крестьяне спали.

Вдоль стен стояли широкие лавки, посередине комнаты располагался массивный некрашеный стол, часто – дубовый. Здесь семья обедала. Обязательными предметами домашнего обихода той поры была кочерга, ухват, разного размера чугуны и чугуны.

Во второй комнате, «свитлице», в правом углу помещалась одна или несколько икон с обязательно горящей перед ними лампадой. Вдоль стен стояли все те же лавки. В дальнем углу располагался сундук – большой массивный деревянный ящик с крышкой, на которой нередко висел замок. В сундуке хранилась лучшая, «на выход» одежда и обувь, там же хранили деньги и различные бумаги. В зажиточных семьях бывало и по два сундука. С начала XX-го века сундуки в большинстве семей уступили свое место хранилищам выходного платья комодам, но кое-где сохранились до наших дней.

Иногда в углу, порой – посередине комнаты стояла прялка, тоже обязательный атрибут той эпохи (кое-где сохранились до нашего времени). Крестьянки имели обычай прясть по вечерам, собираясь по очереди то в одной, то в другой хате (в холодное время года молодежь таким же образом собиралась на вечеринки-посиделки, летом – под открытым небом). В отличие от губерний Центральной России, где в ходу были лучины, на Дону уже с начала XX-го века, широкое распространение получила керосиновая лампа.

Особая деталь – полы. В большинстве хат они были глинобитными и регулярнейшим образом подмазывались свежей глиной, лишь некоторые крестьяне перекрывали хаты деревянными полами.

Даже внешне «хохлы» резко отличались как от казаков, так и от постепенно оседавших в хуторе Малый Несветай переселенцев из Центральной России, их казаки именовали «кацапами», а «хохлы» – «гамаями». Казаки носили свободную одежду, зимой – короткую куртку – бекешу и папаху или шапку-малахай, коротко стриглись, носили пышные усы, порой и бороду. «Кацапы» (они же «гамаи») рядились зимой в армяк или шушун, летом плели «чуни» – лапти из полосок шкуры, стриглись «под горшок» и носили бороду «лопатою». Хохлы же одевались летом в широкие украинские шаровары, носили широкополые соломенные шляпы и черевички, а зимой – короткий жупан, сапоги и круглую папаху. Брили в первые десятилетия существования

слободок головы и носили свисающие вниз усы. Женские же наряды были еще более пестрыми. В то время достаточно было одного лишь взгляда, чтобы сразу же безошибочно определить, кто перед тобой – казак, «хохол» или «кацап»...

Позднее всего по времени стали заселяться современные улицы Заречная и Подгорная, примыкавшие к хутору Зацепина. Первую хатенку-мазанку на Заречной построил перед революцией Никифор Осипович Задорожный со своей супругой Домной Митрофановной. Сейчас на этом месте располагается домовладение его внука Владимира Александровича Козубова...

Все слободки – Бочаны, Дощаны, Курутяны и Сычевка, а также хутор Зацепин существовали обособленно друг от друга. Связь между правым и левым берегами осуществлялась с помощью лодок. Последняя лодка сохранялась до конца 60-х годов. Грунтовых дорог из казачьей части Малого Несвета в слободки было две, обе шли вдоль разных берегов речки, а затем выходили на теперешние улицы Северную и Суворова. Далее дороги шли одни полем, другая – под «Белой кручей» в хутор Авилов. Упомянутая обособленность частично сохранилась до наших дней. Это касается Курутян и Сычевки в первую очередь. А 100 лет назад даже по планировке строений слободки существенно отличались друг от друга.

Первопоселенцы каждой слободки, как правило, были близкими родственниками и носили одну фамилию. С годами число одних и тех же фамилий росло, множилось количество полных тезок. Поэтому, чтобы быстро определить, о ком идет речь, широко использовались прозвища. Сейчас они применяются крайне редко, зато в первой половине XX-го века без них трудно представить повседневную жизнь крестьянина из «хамской слободки» Малого Несвета...

Основным видом деятельности крестьян несветайских слободок было хлеборобство. Рыбу иначе как на удочку им вообще не позволялось ловить, это была казачья привилегия. Пастбища тоже были во владениях казачьего общества, и без его разрешения пасти коров крестьяне прав не имели. Поэтому часто держали на привязи одну корову. Быков, как тягловую силу выпасать не возбранялось.

Казаки, как известно, никаких налогов не платили, они были служилым сословием и несли тяжелую воинскую повинность. Иногородние были сословием податным: платили в казну налоги и несли приравненные к налогам повинности, тяжелейшей из которых была гужева. Повинность эта представляла собой следующее: по мере необходимости в порядке очереди крестьяне на своих подводах перевозили совершенно бесплатно грузы, необходимые хуторскому казачье-

му обществу. При необходимости общество могло и вне всякой очереди мобилизовать гужевой транспорт.

Так было в начале XX-го века, когда в Малом Несветае велось строительство сразу двух школьных зданий и обновлялось на (самом деле – строилось заново) здание Успенской церкви. Деньги на строительство зданий выделил известный в здешних краях меценат Савелий Петрович Наумов. Для строителей он денег не жалел. А вот доставляли лес, камень, кирпич и прочие строительные материалы, мобилизованные вне очереди «хохлы» на своих подводах бесплатно. Именно поэтому всякое общественно-значимое для казаков мероприятие воспринималось иногородними очень болезненно. Вообще, отношения коренного населения – казаков и иногородних осуществлялось согласно казачьей поговорке: «Не всегда приятно, но всегда понятно».

Накануне революционных потрясений в Малом Несветае существовали соприкасаясь, но, не пересекаясь, две культуры – казачья и хохлячья. Что касается «кацапской» составляющей, то она очень быстро размывалась, не оставив никаких особых следов. Это объясняется открытием на землях хутора Малый Несветай первых угольных шахт. «Кацапы» из Малого Несвета в массовом порядке пошли работать на шахты и стали переселяться в поселок рудника братьев Парамоновых (теперь центральная часть города Новошахтинска, где сохранились парамоновские «казармы»). В горняцком поселке свои порядки, там быстро появилась своя, интернациональная культура. «Хохлы» на шахты не пошли, и сохранились как «субэтнос».

ПРИЛОЖЕНИЕ: ОСОБЕННОСТИ МЕСТНОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В КОНЦЕ XIX-го – НАЧАЛЕ XX-го ВЕКОВ

Особенности земледелия в условиях нашей местности конца XIX-го начала XX-го столетия заметно отличались от современных, поэтому необходимо остановиться немного подробнее на некоторых аспектах обработки земли жителями несветайских «хохлацких» слободок, тем более, что они имели свои специфические черты даже по сравнению с непосредственными соседями – казаками хутора Малый Несветай. Прежде всего, это связано с использованием сельскохозяйственных орудий труда.

В те времена озимые культуры не использовались вообще. Сеяли яровые: пшеницу («гарновку»), ячмень, овес и просо. Последнее имело настолько широкое распространение, что в Малом Несветае в начале XX-го века была построена крупорушка на паях местными казаками Савелием Петровичем Наумовым и Каллистратом Гончаровым.

Из огородных культивировались прежде всего капуста, лук, чеснок и картофель. Самое широкое распространение получили бахчевые.

При обработке земель практиковалась так называемая «переложная» или «залежная» система земледелия: после двух-трех лет эксплуатации земельный участок должен был от двух до семи лет (а в некоторых случаях – и до десяти) «отдыхать» и использоваться под пастбище («толока») или покос. Именно такое «переложное» земледелие широко применялось как раз в Таврии и на Херсонщине, откуда прибыли первые поселенцы несветайских слободок. В силу особенностей «переложного» земледелия никого не должны удивлять огромные на первый взгляд участки арендованных площадей, нередко в 100 и более десятин. На деле засеивалась едва десятая часть площадей, остальные «отдыхали». Казачья община Малого Несветая следила за этим строго.

Первые переселенцы из таврических степей на берега Малого Несветая, привезли с собой сельскохозяйственные орудия, свойственные той местности, откуда они прибыли. Это – соха «косуля» и южно-украинское «рало».

Самым примитивным орудием, не прижившимся в здешних условиях была соха. Она имела следующий вид: в поперечный массивный чурбан наглухо вделывались оглобли. Сзади прикрепляли рукоятки, внизу – полоз, на который насаживались два железных сошника. Одна лошадь легко тянула такое орудие труда.

Главный недостаток сохи – она не поднимает и не оборачивает цельных пластов, а только крошит, разрыхляет землю на глубину около 15-20 сантиметров. В силу этой особенности соха в скором времени вышла из употребления.

Не долго эксплуатировалось в условиях черноземья и украинское «рало» с одним или двумя сошниками. У рало, в отличие от плуга нет полоза, рало предназначалось, как и соха, для рыхления почвы. Корпус рало не четырехугольный, как у плуга, а треугольный. Одну сторону этого треугольника образует «стебло» (иначе «жердка» или «грядка»), заменяющее оглобли, вторую – «ральник», то есть рассоха, на которую укреплен режущая часть – «сошнец», третья часть – перемычка, соединяющая «стебло» и «ральник». В этом сельскохозяйственном орудии не было ни одной железной детали, все они изготавливались из дерева. Широко применялись в районе Полтавы. В условиях нашей местности рассоху очень скоро стали подбивать железом.

В 90-е годы XIX века – начале XX-го века стало использоваться рало уже с тремя – пятью сошниками без рукоятки. Внешне оно было похоже не пахотное орудие, а скорее на борону. Использовали его теперь при вспахивании земли уже вскрытой плугом.

К началу XX-го века в несветайских слободах применялись два вида плугов – «косуля» и украинский плуг.

«Косуля» представляла собой нечто среднее между легким плугом и тяжелой сохой. В ней имелось не два сошника, как в сохе, а один треугольный железный лемех, который насаживался плашмя, наискось. Справа приделывался деревянный выгнутый отвал, впереди лемеха устанавливался и укреплялся железный нож.

Нож-резак подрезает земной пласт сбоку. Он разрезает землю отвесно, затем лемех подрезает и вздымает пласт, а отвал отворачивает пласт на правую сторону, навзничь. Всегда – в одну сторону. Пашет относительно глубоко, тянула «косулю» одна лошадь.

Украинский плуг первоначально изготавливался в виде прямоугольного треугольника. Непременным приспособлением данного плуга являлся резец («ризак»), полица («полиця»), отвал и ось («колишня»). Более мелкие детали плуга: хвостовик – клин, регулирующий глубину вспашки, «заборозенник» и «пасклин» с «заборозником» – клинья, которые вбивают с разных сторон около резака, чтобы регулировать ширину пласта...

В начале XX-го века широкое применение в несветайских слободах получил (как впрочем, и повсюду на Дону) английский плуг с передком, каждое колесо которого, независимо друг от друга, может

быть поставлено выше или ниже, шире или уже. Такой плуг берет и узкие борозды, надрезает пласт отвесно, надрезает снизу ровно и оставляет за собой чистую борозду. Отрезанный пласт он не отсовывает в сторону, а приподнимает его ровно и постепенно и отваливает набок очень правильно. Пахали на таком плуге при помощи пары (иной раз — двух-трех) волов...

Боронование почвы первоначально осуществлялось с применением так называемых «плетеных» борон: пять продольных деревянных прутьев переплетались с пятью, реже — шестью поперечными, образуя 25-30 ячеек для зубьев. Размер такой бороны с 25 зубьями составлял 160-180 см в длину и на 15-20 см меньше в ширину.

Раму бороны плели из ореховых или березовых палок. В местах скрещения продольного и поперечного прутьев, они скреплялись двумя кольцами. В гнезда, образованные скрещением колец и прутьев, сверху вставлялись зубья (клевы) длиной около 35 сантиметров и 3 см толщиной. По форме зубья представляли собой шестигранные клинья. Вставлялись зубья не вертикально, а с наклоном вперед зубья передних рядов бороны были несколько короче задних: при таком устройстве бороны лучше всего давила на землю. Кроме того, нагрузка на задние зубья больше, поэтому задние изнашивались быстрее передних. Зубья делались из твердых пород деревьев — дуба, ясеня, клена.

Уже в начале 90-х годов XIX-го века плетеную деревянную борону сменила бороны железная. По форме аналогичная плетеной. Изготавливалась она либо на месте, хуторскими кузнецами, либо привозилась заводская. Известно, что использовались и те и другие...

Удобрение почвы осуществлялось путем вывоза в поле скопившегося за зиму навоза, смешанного с объедками и подстилкой для скота. Вывозилась эта смесь в особых телегах — с покатостью назад и дверцами в ту же сторону. Скидывался навоз на землю железными трехрожковыми вилами, либо же деревянной лопатой. Некоторые хозяйства применяли навозные телеги с обшитым опрокидным кузовом или ящиком. Вывозился навоз в поле, как правило, ребятами-подростками разбрасывался взрослыми — хозяевами или работниками.

Уборка зерновых жителями несветайских слободок проводилась, как правило, без подмоги традиционного для губерний Центральной России серпа. В Центральной России серп позволял, при малоземелье большинства крестьянских хозяйств, убирать урожай с наименьшими потерями. На Дону большие площади, засеянные зерновыми, делали использование серпа неэффективным. Чаще всего зерновые косили под корень обычной косой-«литовкой». И обычных

для центральных областей империи снопов здесь, в наших местах не вязали: скошенные хлеба свозились на ток арендатора и там обмолачивались. Иногда — «цепами», то есть насаженной на длинный деревянный держак обрубков металлической цепи или железный брусок-пластину. Но чаще — при помощи так называемых «молотильных камней». Они, эти «молотилки» представляли из себя выдолбленные из камня-песчаника шести-восьмигранные катки значительного веса. Сквозь катки продевался металлический стержень. Затем при помощи одного или двух державок-оглобелей они приводились в движение подобно колесу. При использовании «молотильных камней» по сравнению с молотью цепями уровень потерь был на порядок ниже...

Собранный урожай хранился в личных амбарах каждого из арендаторов. Реализовывался хлеб через ярмарки, рыночную торговлю, но часто продавался перекупщикам из Ростова или Нахичевани. По словам С. Е. Чернецова, иногда крестьяне, обычно родственники, сами формировали хлебные обозы.

В своих воспоминаниях С. Е. Чернецов указывает на то обстоятельство, что возить обозы с хлебом было небезопасно — случались оружейные разбойные нападения, поэтому нередко в Ростов или Нахичевань такой обоз сопровождал вооруженный казачий конвой, нанятый из местных же казаков хутора Малый Несветай.

Сенокос («косовица»), в отличие от жатвы, считался у «хохлов» одной из приятных, хотя и сопряженных с трудом полевых работ. Сенокос был общественным мероприятием. По воспоминаниям старожилов, женщины надевали праздничные одежды, а косари шли на работу с песнями. Работали артельно. Во главе артели косарей стоял выборной «отаман». В его обязанности входило, чтобы работа шла ритмично, и никто не отставал на своей «ручке» (на прокосе шириной в размах косы). Женщины и девушки ворошили скошенную траву граблями, чтобы она лучше сохла. Сухое сено сгребали в длинные валы. Которое затем собирали в копны весом по 50-120 кг. По окончании сенокоса устраивалась «косарщина» — праздник с гульбой и песнями.

Вплоть до начала XX-го века мололи зерно при помощи ручных жерновов. До наших дней сохранились жернова самых разных размеров и форм. В 1912 году в Малом Несветае местным казаком Савелием Петровичем Наумовым была построена паровая мельница, и жернова довольно быстро вышли из оборота.

Примечание: автор выражает большую признательность заместителю директора историко-археологического музея-заповедника «Танаис» Валерию Федоровичу Чесноку за помощь при подготовке данного материала.

3. НА ВИРАЖАХ ИСТОРИИ...

С началом Первой мировой войны (тогда ее в России называли Второй Отечественной – под первой имелась в виду война 1812 года с Наполеоном) иногородние призывных возрастов через Сулинский призывной пункт были мобилизованы в армию. Отыскать их следы на войне практически не представляется возможным: если казаки из конкретного хутора служили, как правило, в одном и том же полку (за исключением тех, кто проходил службу в Лейб-гвардии Атаманском полку или Гвардейской казачьей батарее), то иногородних распределяли в разные части. Сами же участники той войны – хуторские старожилы, с которыми в разные годы доводилось общаться автору этих строк, о самой войне рассказывали крайне неохотно и мало, а о своем участии – ничего. Так принято было, поскольку в советское время эта война считалась Империалистической, захватнической. Правда достоверно известен факт, что житель хутора Константин Федотович Слепченко – Георгиевский кавалер, имел Георгиевские кресты и медали...

О событиях, связанных с Гражданской войной, известно очень немного. Да и то – несколько однобоко: это, прежде всего, воспоминания местного жителя, в прошлом известного красного партизана и активного борца за власть Советов в наших местах Семена Ефимовича Чернецова, 1896 года рождения, опубликованные в 1989-90 годах.

После свержения в далеком Петрограде Временного правительства провозглашения атаманом А. М. Калединым самостоятельности Донской области, жители «хамских» слободок оказались в несколько даже привилегированном положении по сравнению со здешними казаками: Войсковое правительство, не желая иметь в лице иногородних потенциальных врагов, всячески заигрывало с ними, идя на различные уступки. Упор делался на добровольный выбор неказаками своих жизненных позиций. От гужевой повинности вне очереди иногородние были освобождены.

Обитатели слободок в тревожные дни поздней осени-начала зимы 17 года, когда центральную казачью часть хутора Малый Несветай буквально сотрясали политические страсти: там непрерывно проходили митинги в поддержку Советской власти (здешние казаки отказали в поддержке атаману А. М. Каледину и выступили против него на стороне большевиков) – заняли выжидательную позицию. На митинги не являлись, на хуторскую мельницу приезжали с одним – двумя мешками зерна. Внешне «хохлы» как бы отгородились от общехуторских проблем. И это принесло определенные результаты: их не трогали.

С установлением в хуторе Советской власти в повседневной жизни обитателей слободок не произошло никаких видимых изменений, продовольственные отряды, регулярно присылаемые большевиками с рудника братьев Парамоновых в Малый Несветай, сюда, до неказачьих окраин не доходили вообще, все реквизиции и сопровождавшие их расстрелы касались исключительно казачьей части хутора, прежде всего – Чернухина.

Костяк населения «хохлацких» слободок составляли отнюдь не бедняки и батраки, а напротив, середняки и люди зажиточные, состоятельные. Тем не менее, большевики на руднике Парамоновых, неизвестно уж почему, считали их подневольной беднотой и сочувствующими советской власти, основываясь, надо полагать, на том, что они – не казаки. В то же время жители соседних, сплошь «хохлацких» хуторов Авилова, Большого и Малого Должики, Родионова и «русацкого» Кошкина называли их не иначе как «контрой», видимо, на том основании, что жили здешние «хохлы» непосредственно в казачьем хуторе и их положение было получше, чем у авиловцев или кошкинцев.

Когда в апреле – мае 1918 года на Дону началось поголовное восстание доведенных до отчаяния казаков против Советской власти, завершившееся ее свержением и провозглашением независимого Всеволодского Войска Донского, жители «хамских» слободок хутора Малый Несветай, в отличие от подавляющего большинства иногороднего населения, державшего сторону большевиков, почти поголовно ушли в ряды Белой Добровольческой армии генерала А. И. Деникина. Некоторые даже воевали в элитных, так называемых «цветных» полках, позднее, в XIX19 году развернутых в дивизии – Алексеевском, Дроздовском, Корниловском и Марковском (служившие в этих частях имели особую форму, выделявшую их из числа остальных участников Белого движения). Тем не менее, после окончания Гражданской войны репрессии их практически не коснулись, чего нельзя сказать о казаках, которые формально до 1925 года – все, кто воевал на стороне белых, были поражены в правах (не имели права голоса). Фактически же в 1926 году была выпущена секретная инструкция ВЦИК за номером 15, согласно которой надлежало лишать гражданских прав всех без исключения белогвардейцев-казаков, несмотря на амнистию 1925 года.

Из воспоминаний С. Е. Чернецова следует, что весной 1918 года в окрестностях теперешнего хутора Шевченко боестолкновений не наблюдалось. Единственная стычка, возглавляемого им краснопартизанского отряда, состоявшего из двух десятков бойцов, с немцами, пришедшими на Дон на помощь Войсковому правительству атамана

П. Н. Краснова, произошла в восьми километрах южнее, в окрестностях хутора Большой Должик. В перестрелке погиб один немецкий солдат...

В 1918 году в рамках строительства независимого государства была проведена административно-территориальная реформа Всевеликого Войска Донского. Земли хутора Малый Несветай были выведены из состава Грушевской станицы и переданы «столичной» – Новочеркасской. Из состава самого Малого Несветая были выделены (за исключением Полтавы) «хохлацкие» слободки – Бочаны, Дошаны, Курутяны, Сычевка и Зацепин хутор и из них образован самостоятельный хутор, названный Зацепиным (по фамилии единственного казака, имевшего здесь поместье). Хутор получил статус казачьего, поскольку все иногородние, поддерживавшие Белое движение на Дону были уравниены в правах с казаками и могли себя к казакам причислять, что, возможно, и произошло бы, закончись Гражданская война иначе. Таким образом, 1918 год может служить датой отсчета самостоятельной истории хутора, а «крестным отцом» нового хутора по праву следует считать некого атамана Петра Николаевича Краснова. На карте Дона появилась новая административно-территориальная единица – хутор Зацепин...

Небезынтересная деталь. До наших дней, как отголосок Гражданской войны, сохранилась такая бытовая особенность: жители соседнего хутора Авилов, Родионово-Несветайского района, когда речь заходит о Шевченко и его обитателях (а они нас до сих пор именуют только «зацепинцами» – и никак иначе) всегда отзываются о нас как бы не только «свысока», с чувством этакого легкого превосходства, с таким же едва заметным налетом покровительства. Сейчас даже сами Авиловцы этого объяснить не могут. Между тем объясняется все достаточно просто: жители Авилова воевали на стороне красных, и уже после войны, чувствуя себя победителями, смотрели, особенно в первые годы Советской власти, на зацепинцев, как на побежденных, с интересами которых можно при случае и не считаться («контрики»): можно дорогу проложить по зацепинской земле в интересах Авилова, можно на мельнице вне всякой очереди отовариться – куда бывшая «контра» жаловаться пойдет? Истоки и происхождение покровительственно-пренебрежительного отношения в быту давно забылись, а сам едва заметный налет этого сохранился.

Наступил 1923 год. Хутор Малый Несветай был переименован в слободу Алексеевку и стал центром Алексеевского района Шахтинского округа Донецкой губернии Украинской ССР. Граница между Российской Федерацией и Советской Украиной проходила между За-

цепиным и Авиловым по «Белой круче». Там до наших дней сохранился «пограничный столб» – вбитый глубоко в землю толстый кусок железа...

В начале 1924 года в жизни Зацепина произошло очень важное, знаковое событие: хутор получил свое теперешнее название. Произошло это следующим образом.

В декабре 1923 года в исполнительный комитет Алексеевского района из губернского центра – города Бахмута – поступила директива: организовать и как можно шире провести мероприятия, посвященные 110-летию со дня рождения выдающегося украинского поэта «кобзаря» Тараса Григорьевича Шевченко.

Весь 1923 год прошел под знаком довольно жесткой украинизации земель, переданных в состав Донецкой губернии из Донской области. Поэтому районные власти отнеслись к директиве серьезно. Решили не ограничиваться проведением широких мероприятий, посвященных дню рождения «кобзаря», великого украинского поэта, а и увековечить его память. Для этого, по предложению заместителя председателя райисполкома Леонида Гавриловича Балабаева было принято решение ходатайствовать перед властями Шахтинского округа и Донецкой губернии о переименовании хутора Зацепин, носившего имя царского чиновника и помещика-арендатора, не очень подходящее для местного советского руководства того времени, в хутор имени Т. Г. Шевченко. Ходатайство скрепил своей подписью и районной печатью председатель Алексеевского райисполкома (РИКа, как в те годы было принято выражаться) Иван Федосеевич Каменев, после чего оно ушло «наверх». Вышестоящие инстанции отреагировали оперативно: очень скоро ходатайство Алексеевского РИКа было удовлетворено, и уже с января 1924 года бывший Зацепин стал хутором Шевченко. Название это довольно быстро и безболезненно прижилось среди местного населения. И только наши соседи-авиловцы по-прежнему упорно именуют хутор «Зацепиным», а жителей его – «зацепинцами», хотя сами «зацепинцы» уже давно себя таковыми не чувствуют.

Хутор Шевченко формально как самостоятельная территориальная единица ведет отсчет с 1918 года, фактически же он стал напоминать собой действительно обособленный населенный пункт только с 1929 года. Именно в этом году в Шевченко открылся магазин Шахтинской районной потребительской кооперации – ЕПО им. Калинина. До этого времени торговых точек в хуторе не было, и за всеми, даже самыми незначительными, покупками, будь то спички или соль, приходилось отправляться в Алексеевку или в Авилов (в те годы переименованный в хутор Степан Разин). Своего постоянного места мага-

зин не имел вплоть до 1965 года, периодически переезжая из одного конца хутора в другой, пока не обосновался на своем нынешнем месте по улице Суворова. Сейчас этот магазин называется «У околицы». Тогда же, в 1929 году на правом берегу речки Малый Несветай, всего в полусотне шагов от берега была открыта Шевченковская начальная общеобразовательная школа №40 (с XIX63 года – №51). Первым заведующим был назначен 30-летний Григорий Иванович Омельченко. Проработал он в этой должности до Великой Отечественной войны. После войны заведующей школой стала работать Мария Исидоровна Удовиченко (жители звали ее несколько проще – Мария Сидоровна)*.

Школьное здание состояло из трех помещений – двух учебных комнат, отапливавшихся в зимнее время года углем (печки были в каждом учебном помещении) и небольшой учительской-канцелярии. В одном учебном помещении располагалось по два класса: 1-й, 3-й и 2-й 4-й соответственно. В довоенные и послевоенные (вплоть до середины 50-х) годы, когда учеников было много, занятия проводились в две смены. Вторая смена зимой занималась при свете керосиновых ламп («летучая мышь» – фонарь применялся в исключительных случаях, поскольку свет его распространяется не так ровно как от лампы, хотя он и сильнее по мощности). Сразу за школой размещалась свободная площадка, на которой стоял спортивный бум, а далее начинался: густой сад, упирившийся в Малый Несветай. В наши дни от сада практически ничего не осталось. Здание школы сохранилось, но лежит в руинах. Школьное здание за два года (1927-28) построил в одиночку местный мастер-умелец на все руки Степан Иванович Мазин.

С. И. Мазин – человек очень непростой судьбы. Родился он в 1875 году в одном из хуторов Цимлянской станицы. Срочную службу (тогда говорили – действительную) проходил на судах Черноморского флота. Решив посвятить себя морю, он после действительной остался на сверхсрочную, и к 30-ти годам дослужился до чина «кондуктора», что примерно соответствует современному званию мичмана.

События революционного 1905 года застали его на борту крупнейшего в те годы на Черноморском флоте броненосца «Князь Потемкин-Таврический». Как известно, летом 1905 года на «Потемкине» и

примкнувшем к нему эскадренном миноносце «Георгий Победоносец» произошло восстание матросов, приведшее к многочисленным человеческим жертвам, в том числе и среди мирного населения города Одессы. В XX-е годы известный советский кинорежиссер, «классик немого кино» Сергей Эйзенштейн снял кинофильм «Броненосец «Потемкин», до сих пор считающийся лучшим немым фильмом.

В кинофильме С. Эйзенштейна причиной восстания матросов показано зверское обращение офицеров броненосца над нижними чинами, а непосредственным поводом к вооруженному выступлению – попытка кормить личный состав нижних чинов судна червивым мясом. С. И. Мазин, рассказывая в свое время автору этих строк свою версию развернувшихся на борту «Князя Потемкина-Таврического» кровавых событий, называет другие факты и причины.

Согласно версии С. И. Мазина, никакого зверского обращения офицеров над нижними чинами не было, и червивым мясом матросов не кормили. Все было в рамках Устава. Налицо было другое: крайнее недовольство матросов, выслуживших весь срок действительной службы, а это шесть лет, тем, что им задерживают на неопределенный срок увольнение в запас. Тем более что Русско-японская война 1904-1905 годов закончилась, и формальной причины задерживать матросов на службе не было.

Среди личного состава броненосца вели активную пропаганду существовавшие там подпольные организации большевиков и эсеров. Когда же деятельность агитаторов оказалась раскрытой, их попытались арестовать — произошло восстание. Когда на «Потемкине» начались массовые расстрелы офицеров и кондукторов, С.И.Мазин чудом уцелел и затем принимал участие в подавлении вооруженного выступления потемкинских матросов.

Как известно, подавить восстание правительственными войсками не удалось: «Князь Потемкин-Таврический» ушел к берегам Румынии и там сдался местным властям.

Степан Иванович Мазин вскоре после описанных выше хорошо известных в отечественной истории событий с императорского флота уволился в отставку и вместе с женой Марией Николаевной перебрался в наши места, поселился в слободе Сычевка, где и прожил до глубокой старости, встретив 100-летний юбилей. Среди местных жителей был известен как «дед Гулюшка». Это не совсем обычное прозвище он получил за то, что никогда в общественных местах не позволял себе выражаться нецензурно. Самое «грубое», что он мог сказать, так это: «Э-эх, гулюшки твою мать»...

*Список учителей, в разные годы работавших в Шевченковской начальной школе
Заведующие: Григорий Иванович Омельченко, Мария Исидоровна Удовиченко, Татьяна Александровна Китаева (Калинина).
Учителя: Виктор Михайлович Батюшин, Софья Юрьевна Трудюлюбова, Агафья Алексеевна Добровольская, Мария Павловна Сушкова, Алевтина Иосифовна Сидорова, Галина Андреевна Цибенко, Клавдия Савельевна Савушкина, Людмила Ивановна Колесникова, Людмила Васильевна Выборная, Галина Леонидовна Бодрова

В 20-е годы клуба в хуторе Шевченко не было, но его главную функцию — общение людей в неформальной обстановке — выполняла изба-читальня. Она располагалась в районе, непосредственно примыкающем к современному хуторскому клубу по улице Суворова. Люди собирались там, чтобы обсудить свежие новости, полистать номера окружной газеты «Красный шахтер», порой там проводились вечеринки. В те годы изба-читальня была действительно «очагом культуры» в самом хорошем смысле этого слова.

В 1929 году в хуторе образовался небольшой, состоявший всего лишь из нескольких объединившихся подворий колхоз, получивший название «Красный Октябрь». Председателем его был избран Леонтий Архипович Левченко. Возник колхоз как раз накануне «великого перелома» советского сельского хозяйства — массовой коллективизации. Это наложило на жизнь хутора определенный отпечаток — «сплошная коллективизация» и сопровождавшее ее массовое раскулачивание зажиточных и не только зажиточных слоев населения здесь прошли значительно мягче, чем в соседней Алексеевке. В декабре 1929 года Политбюро ЦК ВКПб, выполняя решение 16-го Съезда партии о претворении в жизнь поголовной коллективизации в рамках всей страны, образует специальную комиссию по проведению «сплошной коллективизации». Ее председателем назначается не кто иной, как сам народный комиссар земледелия Яковлев. Я.А. Комиссией разрабатывается детальный график претворения планов коллективизации в жизнь.

К началу 30-х годов хутор Шевченко административно-территориально относился к Алексеевскому сельскому Совету, Шахтинского района, Шахтинско-Донецкого округа Северо-Кавказского края. В январе 1930-го в краевом центре — городе Ростове-на-Дону состоялся «1-й Краевой съезд рабочих и крестьян по сплошной коллективизации». С докладом выступил председатель краевого Совета профессиональных союзов крайсовпрофа Шульман. Б.И. Была разработана тактика проведения коллективизации в масштабах округа. В частности решено было «в целях усиления местных кадров» направить в хутора и станицы округа представителей от трудовых коллективов крупнейших промышленных предприятий края, из числа членов ВКПб и активистов, так называемых «двадцатипятипятитысячников».

Сразу же после завершения работы съезда в окружной центр город Шахты поступила секретная директива с пометкой «молния» о немедленном составлении подробнейших списков лиц, подлежащих раскулачиванию, то есть конфискации имущества. Из округа соот-

ветствующие директивы почти сразу же ушли в районы и сельские Советы. Процесс пошел. И уже к 14 февраля список «кулацких хозяйств» по Алексеевскому сельскому Совету был утвержден и отправлен окружным властям.

Все «кулаки» были предварительно разделены на три «категории» с дополнением. Под признак «кулаков первой категории» попадали следующие лица: в обязательном порядке имевшие крепкие хозяйства до революции, в годы Гражданской войны служившие в рядах Белой армии, нелестно отзывавшихся о действиях — или о представителях Советской власти.

«Кулаки первой категории» считались властями в кристальном виде «врагами диктатуры пролетариата». Они вместе с семьями подлежали обязательной высылке за пределы Северо-Кавказского края. Таких «классических мироедов» было довольно мало. Так, из 29-ти глав хозяйств, попавших в список «кулацких» по всему Алексеевскому сельскому Совету, лишь один подходил по всем критериям — это житель Алексеевки П.Ф. Дороганов, бывший шахтовладелец, имевший в собственности сразу два дома, державший торговую лавку, и к тому же владевший парой лошадей и двумя коровами. Никто из жителей заштатного хутора Шевченко под данную категорию не подпадал. С «кулаками первой категории» все укладывается в рамки официальной тогдашней политики государства диктатуры пролетариата. Что касается «второй категории» то здесь дела обстояли иначе. Не имело никакого значения, у белых или у красных служили «кулаки» 2 сорта. За основу попадания в проскрипционный список брался факт, что до революции хозяева были малоимущими, а за годы Советской власти крепко стали на ноги. Таковые считались «изменниками делу революции» и подлежали высылке в пределах края, но за пределами округа. В хуторе Шевченко не нашлось и таковых. Хозяйства были крепко-середняцкие, но за советские годы никто особенно не разбогател.

Кулаки «третьей категории» — самые многочисленные в списке, попадали абсолютно все, кто на момент составления списка был «поражен в правах»: лишен права голоса на выборах и права выступать на сходах, митингах и собраниях. В «лишенцы» попадали те, кто, выражаясь «перестроечным» языком, хоть однажды «извлек нетрудовой», например, сдал в аренду пустующий амбар. В «Списке кулацких хозяйств по Алексеевскому с/с» (Шахтинский филиал ростовского областного государственного архива, дело 115, оп.2, ф.278) из жителей хутора Шевченко значится лишь «Дудникова Наталья Е., 27 лет, имеет один дом, одну корову. Лишена прав за сдачу в аренду помещения».

Был еще один верный способ попасть в список неугодных местным властям лиц. Для этого достаточно было хоть единожды на всем протяжении 20-х годов воспользоваться услугами наемной рабочей силы — батраков. Официально никто не запрещал использовать наемную рабочую силу. Но делать это следовало в обязательном порядке через посредничество так называемых «батрачковых» — батраческих комитетов при исполкомах местных Советов. По своей сути «батрачковые» — это те же «комбеды» и состояли они из вчерашних «комбедовцев». Нанимать работников через «батрачковые» было крайне невыгодно как нанимателю, так и самому батраку, поскольку и тому, и другому в таком случае надлежало отчислять солидный процент от размера выплачиваемого вознаграждения и — соответственно — заработок в пользу вышеназванного батрачка. Если же хозяин нанял работника в обход батрачка, то в глазах властей и сельхозактива он «пытался обмануть Советскую власть», а значит — «социально опасен» и подлежит раскулачиванию с последующим выселением. «Кулаки третьей категории», как наименее «социально опасные элементы», должны были выселяться за пределы административного района.

Кроме списка «кулаков» 3-х категорий существовал еще один, дополнительный список, который пополнялся по мере прохождения процесса раскулачивания и коллективизации. Это был список «подкулачников». Сюда мог попасть абсолютно любой гражданин, который мог высказаться против раскулачивания того или иного хозяина домо-владения или же просто отказаться принимать участие в дележе конфискованного у «кулака» имущества. Судьба «подкулачников» целиком зависела от местных властей и активистов, от последних даже в большей мере. Чаще всего «подкулачники» уезжали на близлежащие рудники и устраивались там шахтерами. Таковых не преследовали. В других случаях могли попасть под пресс политических репрессий, что произошло с некоторыми жителями хутора Шевченко, о чем речь пойдет несколько ниже.

Не став дожидаться поступления с мест утвержденных сельсоветах и райсоветах списков «кулацких» хозяйств, Президиум исполнительного комитета Северо-Кавказского края 3 февраля 1930 года принял знаменитое Постановление № 33 «О ликвидации кулачества как класса в пределах Северо-Кавказского края». В нем в частности предписывалось немедленно, сразу же по мере получения означенного Постановления на местах, в течение 24-х часов провести поголовное выселение всех «кулаков» и членов их семей, попутно при этом конфисковав лошадей, скот, птицу, запасы продовольствия и мануфакту-

ры. Окружные власти продублировали это Постановление через неделю, 10 февраля своим, за номером 80. Алексеевский же Сельский Совет, как уже об этом упоминалось выше, утвердил и отправил «наверх» списки «кулаков» 14 февраля 1930 года. Этот день по праву можно считать отправной точкой начала проведения «сплошной коллективизации» в наших местах. В действие вступил первый этап коллективизации и раскулачивания.

Сразу же и повсеместно власти столкнулись с ожесточенным сопротивлением, причем не только со стороны «кулаков». На территории Алексеевского сельского Совета организовано выступили против насильственной коллективизации члены ТОЗа товарищества по совместной обработке земли, возглавляемого Сергеем Гармашовым. Между тозовцами и членами недавно образованного колхоза «Красный Октябрь» из-за земельных споров произошло столкновение. Власти заняли позицию на стороне колхоза. Согласно официальной версии, тозовцы намеревались убить председателя колхоза Л.А.Левченко, до того бывшего районным уполномоченным. Для подавления «гармашовщины» пришлось применять вооруженную силу.

В хуторе Шевченко, в отличие от соседней Алексеевки, раскулачивание не носило массового характера, официально не был раскулачен никто. Но параллельно с официальным раскулачиванием, которое проходило под непосредственным контролем партийных и государственных властей, шло и так называемое «народное» раскулачивание: активисты по своей инициативе, зачастую даже вопреки воле властей, проводили выселение наиболее зажиточных и дележ их имущества. Документов об этом в архивах нет, сохранились лишь воспоминания очевидцев и участников тех событий, довольно субъективных, порой противоречащих друг другу. В целом процесс коллективизации затянулся 1933 года.

Как известно, 1933 год, равно как и предыдущий, 1932-й выдались крайне неурожайными. На Дону всюду свирепствовал голод. Одновременно с голодом всюду свирепствовали политические репрессии. Докатились они и до затерявшегося в степной глубинке хутора Шевченко, коснувшись тех людей, которых местные активисты в процессе раскулачивания и коллективизации отнесли к позорной категории «подкулачников».

Понятно, что с таким клеймом места им в родном хуторе не было. Надо было устраивать жизнь на стороне. Кто смог, тот поступил, работать на шахты горняцкого поселка имени Коминтерна тепереш-

ний город Новошахтинск. Этих власти не трогали. Некоторые же попытались счастья в краевом центре — Ростове-на-Дону. Именно туда подались в поисках лучшей доли жители хутора Шевченко Александр Андреевич Шевченко, 1897 года рождения, сумевший устроиться на работу токарем на завод имени Ворошилова, и Василий Федорович Алексеев, поступивший счетоводом в ростовскую контору «Заготскот».

По обвинению в «контрреволюционной деятельности» оба наших земляка были арестованы по одному делу и осуждены «тройкой» ОГПУ - Объединенного Государственного Политического Управления — политического сыска того времени. Приговор был зачитан 21 апреля 1933 года: «Высшая мера социальной защиты» — расстрел. А. А. Шевченко был расстрелян спустя двое суток после оглашения приговора — 23 апреля, а З.Ф. Алексеев — 11 мая 1933 года.

На этом политические репрессии по отношению к жителям хутора Шевченко не закончились. Они продолжались все 30-е годы, периодически вырывая из рядов хуторян то одного, то другого человека. И не всегда — рядового. Иной раз репрессии обрушивались и на представителей власти. Весной 1990 года автор этих строк записал беседу с жителем Алексеевки Иваном Назаровичем Козьменко, 1915 года рождения, репрессированного в 1937 году.

По словам И. Н. Козьменко, 24 октября 1937 года по обвинению в антисоветской агитации прямо на рабочих местах были арестованы жители Алексеевки и Шевченко — он сам, а также Николай Демидов, Алексей Воинов, Дмитрий Клименко, Иван Леонидович Мороз и Сергей Федорович Максименко. Последний проживал в Шевченко и работал в должности председателя исполкома Алексеевского сельского Совета. Арестованные были доставлены в тогдашний районный центр — город Красный Сулин. Воинов и Клименко, как бывшие офицеры Белой армии были расстреляны, остальные осуждены по печально известной статье 58-10 (антисоветская деятельность). И.Н. Козьменко два года сидел в г. Шилка, Приморского края вместе с С.Ф. Максименко. Потом следы Сергея Федоровича теряются. Из всех, арестованных вместе с И.Н. Козьменко назад, на «малую Родину», вернулся он один.

ПРИЛОЖЕНИЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ

Из воспоминаний жителя Алексеевки Ивана Назаровича Козьменко.

Запись 1990 года.

Случилось это 24 октября 1937 года. Забрали меня, прямо с работы. Пахали мы на быках, так приехали в поле и там взяли. Доставили в сельсовет, в кабинет председателя. Нового председателя, Габоева, его фамилия была. Продержали там часа два или три, потом отправили в Сулин в КПЗ, в Сулине райцентр тогда был. Вместе со мной были арестованы как алексеевцы, так и жители Шевченко: Демидов Николай, он машинистом на колхозной молотилке работал, Клименко Дмитрий, Воинов Алексей, Мороз Иван Леонидович и Максименко Сергей Федорович. Последнего запомнил особенно хорошо, потому что он до недавнего времени председателем сельсовета работал, в Шевченко жил. Все люди порядочные, степенные...

В Сулине меня на допрос первого вызвали. Следовательно меня в злостной антисоветской агитации обвинил. Основания:

- Ты пел антисоветские песни.

- Какие?

- В заявлении указаны.

- Давайте очную ставку.

Дает. В кабинет вошел житель Алексеевки Шкондин Семен Панфилович, уже потом, при немцах он в полициях ходил. Он свое письменное заявление подтвердил. Кто писал доносы на остальных арестованных, он или кто другой — того не знаю.

Суда над, нами не было. Приговор выносила «тройка», там что хотели, то и писали. Уже в лагере, перед строем объявили, что дали мне 8 лет по статье 58-й, ч.10- «Антисоветская агитация». Потом, уже в лагере еще 3 года добавили: заболел, не вышел на работу. Сидел сначала в Приморском крае, в городе Шилка — 3 года, а потом — в Коми АССР, на ст. Ухта.

Перед отправкой в лагерь просидел в тюрьме в Каменске полтора месяца. В этой тюрьме сделали козырьки под окошками, чтобы, значит, люди не видели света. Камера рассчитана была на 20 человек, а там — все 200! Сидеть еще можно было, а лежать...

Перед самым этапом в подвале длиной метров в 500 наложили соломой и туда поместили, так люди сразу же позаснули после долгого сидения, и двое суток охрана добудиться не могла.

Первые два года сидел вместе с Максименко Сергеем Федоро-

вичем, потом судьба нас разбросала, и он где-то сгинул в лагерях. Что касается Воинова, Клименко и Мороза, то их оставили в Сулине и они тоже сгинули. Потом уже узнал, что приезжали ихние жены — узнать, что с ними? Сказали, что Воинова и Клименко расстреляли, потому как, вроде бы, они белыми офицерами были. Про Мороза не знаю: ничего...

Порядки в лагерях были страшными. Не дай Бог кому там быть. Издевались, как только хотели. Работа была тяжелая. На лесоповале приходилось в ботинках по пояс в ледяной воде бревна доставать. Обычно три-четыре человека сложат вместе два-три бревна, потом трактор подтащит все это к реке, а дальше — сплавляли. Было очень тяжело. Кто слаб — того добивали. Мерли люди как мухи...

Отбывал второй срок, 3 года, попал на работу в каменный карьер. Там мне запомнился вор Бесфамильный, слепой на один глаз. Жестокий был человек. Мы землю в карьере снимаем и на тачках увозим, кто обессилел и уже «доходит», тому бригадир — Бесфамильный — приказывает:

- Иди, ложись! — и ломом по голове. Особенно он любил добивать солдат-мародеров и дезертиров.

Подошла однажды и моя очередь. Обессилел. Подхожу к Бесфамильному, говорю:

- Все, Витек, отработал...

- Иди, ложись.

Лег. Не знаю уж почему, но не стал он меня добивать. Принес папирос, два пирожка. Вечером снял с работы, пошел до врача и добился госпитализации. Он мне спас жизнь. Почему — не знаю. Он потом убил одного не политического, а уголовника, так его в Воркуту отправил, и там прямо при охране ему уголовники голову отрубили...

4. КОЛХОЗ «КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ»

Образовавшийся в 1929-30 годах в результате довольно сложного и подчас крайне противоречивого процесса коллективизации (в определенной степени — добровольной, но в еще большей степени — насильственной) колхоз «Красный Октябрь» уже в XIX30 году территориально охватывал весь без исключения хутор Шевченко. Просуществовал колхоз (второе название — сельхозартель) в относительно неизменном виде вплоть до 1951 года — до момента соукрупнения коллективных хозяйств. Все довоенные годы бессменным председателем правления колхоза являлся Леонтий Архипович Левченко («Левка»). Он погиб в годы Великой Отечественной войны.

В последующие годы хозяйство возглавляли: Иван Павлович Самарский (до 1948 года) и Константин Васильевич Резников (до 1951 года, до соукрупнения).

Колхоз «Красный Октябрь» территориально включал в себя две комплексные бригады, границей между которыми служила на местности речка Малый Несветай.

Первая комплексная бригада располагалась по левому берегу Малого Несветая (в настоящее время это улицы Суворова и Степная прилегающая территория). Полевой стан бригады, куда колхозники приходили по утрам получать наряды на работы, находился, примерно, в двух километрах к востоку от хутора на («втором поле»). Сейчас в этом месте еще заметны остатки старой крайне небольшой плотины, возведенной в свое время для водопоя колхозного и с личных подворий крупного рогатого скота.

С 1934 года комплексным бригадиром работал Константин Васильевич Резников. Вторым после бригадира лицом в комплексной бригаде считался учетчик (именно он «закрывал» наряды). На этой должности работал сначала Петр Иванович Мозговой, а в последние годы существования «Красного Октября» — Иван Каллистратович Ляшенко (в обиходе «Канистрат»). До сих пор общественный колодец, что располагается по улице Суворова в народе зовут не иначе как «у Канистрата» — (рядом некогда находилось его домовладение).

Вторая комплексная бригада была расположена по правому берегу Малого Несветая (включала теперешние хуторские улицы Северную, Заречную и Подгорную и, соответственно, прилегающую территорию). Полевой стан этой бригады также находился на очень существенном удалении от населенного пункта — чуть подальше двух ки-

лометров к западу (на так называемых «штанах»). Бригадой руководили сначала Петр Харлампьевич Миргородский, а с 1948 года — Андрей Дмитриевич Резников («Дилинь-папа»).

Вся техника, которая обслуживала хозяйство, ему не принадлежала. Техника считалась собственностью МТС машинно-тракторной станции, которая базировалась в селе Соколовка (иначе — Старая Соколовка, в наше время это поселок Соколово-Кундрюченский города Новошахтинска). Сначала эта организация называлась Соколовской МТС, а с 1940 года, когда село стало центром Красногвардейского района — Красногвардейской МТС. И техника, и обслуживавшие ее механизаторы считались прикомандированными от МТС к колхозу. Бригадиром тракторной бригады долгое время работал Федор Филиппович Сердюков, механиком был Василий Иванович Марченко, а учетчиком — Александр (именно так, а не Александр) Васильевич Дудников.

К сожалению, автор этих строк не располагает всеми данными на этот счет. Известно лишь, что с 1935 года шофером работал Пантелей Александрович Дудников, после войны стал шофером и Василий Васильевич Городков. Трактористом с довоенных времен трудился Иван Васильевич Ляшенко, в первые послевоенные годы в тракторную бригаду пришли Василий Федорович Выборный и Алексей Дмитриевич Сподарев.

В довоенные годы техники в колхозе можно сказать не было. Из автомобилей старожилы упоминали старую полуторку с деревянной кабиной и тракторы «Универсал» — «колесники» с железным сидением без кабины. Все трактористы; в разные годы, работавшие на таких тракторах, отмечали одну очень существенную особенность: «Универсалы» очень трудно заводились («их, чуть ли не с помощью лома заводить приходилось»). Уже в послевоенные годы появились «Сталинец», несколько позже «МТЗ-2», потом «ЧТЗ».

К началу 50-х годов, то есть к моменту соукрупнения хозяйств, в «Красном Октябре» в наличии имелись уже по три колесных трактора на каждую комплексную бригаду (заправлялись «колесники» керосином), а во второй, правобережной бригаде вдобавок был еще гусеничный трактор НАТИ, он работал на бензине. Кроме того, в те годы колхоз располагал двумя полуторками и одной трофейной машиной, которую в обиходе звали «шевроле». Работал на этой «шевроле» Пантелей Александрович Дудников.

По воспоминаниям механизаторов-ветеранов, рабочий день трактористов начинался с раннего утра. С восходом солнца они уже

должны были пешком добраться до бригады, где получали наряды на предстоящую рабочую смену. Работали, как правило, в две смены по 12 часов каждая, иногда, значительно реже — по суткам. Пересмена проходила не в бригаде, а прямо в поле, возле тракторов. В бригаду с поля тракторы без особой на то необходимости не перегоняли: экономили горючее. Учет горючего велся строжайшим образом, для того чтобы перегнать трактор порожняком с одного поля на другое, требовалось ни много, ни мало — разрешение в письменном виде от бригадного учетчика. Только в случае объявления, например, выходного вся техника перегонялась на бригаду. Но таких дней в те годы было чрезвычайно мало.

Горючее к тракторам доставлялось прямо в поле. Происходило следующим образом. В колхозном штате значилась должность «керосиновоз», в конце 40-х звучавшая уже как «горючевоз» (поскольку тогда уже доставлять приходилось не только керосин, но и бензин, и масла). На этом месте в 40-е годы работал Степан Осипович Галушкин (дед «Галушка»). В его прямые и непосредственные обязанности входило регулярно ездить на лошадях в райцентр — село Соколовку (по прямой свыше 20-ти километров в одну сторону) на базу МТС, там получить горючее, заполнить им большую металлическую бочку и привезти содержимое в колхоз, прямо к тому полю, где в данный момент велись работы. На окраине поля были установлены сравнительно небольшой вместимости металлические бочки. Колхозный «горючевоз» сливал в них содержимое своей большой бочки и отправлялся за новым грузом. И так — изо дня в день. Работа «горючевоза» считалась тяжелой и значимой.

Система охлаждения тракторов того времени требовала постоянного большого расхода воды. Чтобы из-за перегрева трактора не остановились, воду также как и горючее доставляли прямо в поле и там разливали по деревянным порожним бочкам, которые стояли рядом с металлическими, предназначенными для горючего. В 40-е — начале 50-х годов обязанности колхозного водовоза выполнял Федор Трофимович Таранцов.

Обеды трактористам и всем, работавшим в поле (например, прицепщикам задействованным на время сева), доставлялись тоже прямо к месту работы непосредственно. Это входило в обязанности Павла Федоровича Толстокурова. Он развозил обеды, невзирая на погодные условия, на «линейке» (такой вид повозки), запряженной парой лошадей...

Несмотря на наличие определенной техники к началу 50-х годов (о 30-х и говорить не приходится), многие работы приходилось вы-

полнять на быках. Быков требовалось в хозяйстве много, поэтому для ухода за ними из числа колхозников выделялись «воловники». Многие хуторяне трудились на этом поприще, но больше всего вложили своего труда Владимир Яковлевич Руденко и Филипп Никандрович Чистяков.

С самого момента образования колхоза «Красный Октябрь», в хозяйстве имелся общественный огород (в обиходе — «полевая бригада»). С 1930 года и все время существования «Красного Октября» заведовал огородом (затем был бригадиром-овощеводом) Федор Ефимович Зинченко. Затем, уже в союбрупненном колхозе его сменил Иван Александрович Подумеев, проработавший в должности колхозного агронома-овощевода вплоть до закрытия огорода в связи с ликвидацией хозяйства в первой половине 90-х годов.

На левобережной стороне Малого Несветая располагался открытый ток, здесь же были амбары для хранения зерна и оборудования, склад. Заведующим током и одновременно кладовщиком работал Мефодий Васильевич Ляшенко (более известный в народе как «дед Нефед»). Размещалось все это там, где в настоящее время располагается подворье Н.В. Ляшенко и в ближайших окрестностях.

Рядом с током, всего в двухстах метрах к востоку от него находилась колхозная конюшня. Конюхом с момента образования хозяйства долгие годы работал Артем Данилович Резников. Прямо возле конюшни размещались предназначенные для разного рода деятельности повозки: арбы, брички, «двуколки», «линейки», сани...

В любом коллективном хозяйстве 30-х — начала 50-х годов прошлого века, где основную тягловую силу, несмотря на наличие некоторого количества техники, составляли быки и лошади, невозможно было обойтись без наличия собственной кузницы. В «Красном Октябре», который не был исключением из общих правил, кузница размещалась под одной крышей с колхозной плотницкой, неподалеку от конюшни и тока. В обязанности кузнеца, кроме выполнения собственно кузнечных работ входило еще и подковывание лошадей, для чего при кузнице имелось специальное приспособление-станок, чтобы лошадь во время подковывания не могла лягнуть кузнеца копытом. Колхозным кузнецом работал Тимофей Александрович Удовиченко, с 1943 года к нему присоединился Иван Максимович Резников. Позднее, уже при объединенном колхозе в 50-е годы кузнецом станет работать сын Т.А. Удовиченко — Александр Тимофеевич Удовиченко.

В хозяйстве, где постоянно требовались для проведения разного рода работ доски и другие пиломатериалы, была своя плотницкая бри-

гада. В 1946 году это были Иван Петрович Базовой, Алексей Максимович Резников, Филипп Лаврентьевич Капля, Павел Панкратович Копаев, Борис Яковлевич Усенко (позднее, будучи уже в преклонных годах, «дед Борис» работал садовником в том саду, что находился рядом со школой).

Что касается молочно-товарной фермы (МТФ), то в довоенные и первые послевоенные годы она представляла из себя два построенных из самана сарая-коровника и «Леонову бендежку» за ними. «Бендежкой» называлась ветеринарная лечебница, где работал ветеринарным фельдшером Александр Яковлевич Леонов. Коров было мало, всего несколько десятков голов. Только начиная, с 1949 года ферма начала довольно быстро развиваться. Именно в этом году было начато строительство первого каменного коровника, так называемого «Белого сарая». Название свое он получил потому, что после постройки его сначала обмазали глиной, а затем побелили. «Белым сараем» он оставался вплоть до конца существования МТФ, до начала второй половины 90-х годов. И все это время на этом строении значился инвентарный номер 1...

В хуторе Шевченко в послевоенное время имелся один официальный сапожник — Василий Иванович Городков, он жил по теперешней улице Подгорной и обслуживал по Прейскуранту, который висел у него в прихожей. Еще один житель хутора сапожным ремеслом подрабатывал — Андрей Иванович Романченко, более известный как «Дескать». Официально «Дескать» числился сторожем, будучи инвалидом 3-й группы. Еще одним сторожем с 1947 года работал Мелафей Никитович Цыбенко.

Хуторским магазином («сельпом» в просторечии) с середины 40-х годов заведовал сын В.И. Городкова — Николай Васильевич Городков.

Пенсия пожилым членам сельхозартели не полагалась. Ежемесячную заработную плату колхозники не получали тоже. Вместо нее начислялись так называемые «трудодни»: учетчик ставил в ведомости напротив фамилии каждого колхозника «палочку» за каждый отработанный день (существовал минимум необходимых выходов в год). В конце года, после подведения и оглашения на отчетном собрании итогов года, каждую такую «палочку» отоваривали натуроплатой и некоторой суммой денег. Год на год не приходился. В те годы, когда урожай давался хороший, то и на «трудодень» получали неплохо, а в иной год, как, например, голодный 1946-й — почти ничего. На «трудодни» выдавали все, что выращивали и производили в хозяйстве: зерно, подсолнечник, капусту, арбузы (по мере созревания, до отчетного собрания) и даже мед...

В неурожайные годы, когда натуроплата на «трудодни» начислялась чисто символическая, выжить хуторянам и не умереть с голоду в самом прямом смысле слова помогали приусадебные участки. На протяжении 30-х — 40-х и вплоть до второй половины 50-х годов жители хутора Шевченко содержали большие приусадебные участки. Те хуторяне, кто в силу определенных обстоятельств лишен был возможности иметь огород непосредственно перед домовладением, тот держал его «в поле». Средний размер приусадебного участка в нашем хуторе равнялся 0,75 гектара.

В те годы органы государственной власти не только не запрещали содержать значительные по своим размерам приусадебные участки, они по мере возможности поощряли это, поскольку с каждого подворья сельского жителя взыскивались обязательные поставки сельскохозяйственной продукции: мяса, молока, яиц, шерсти и т.д. При этом власти вели строжайший учет всего, что выращивалось на личном подворье каждого гражданина.

В администрации Алексеевского сельского поселения сохранилась «Похозяйственная книга по Алексеевскому сельскому Совету» за 1946-48 годы, и там детально расписано все, что подлежало учету детализации этого учета. Документ очень интересный и познавательный как исторический источник своего времени.

В этой книге указывалась общая площадь приусадебного участка в том числе под постройками, садом огородом. В разделе «Посевы насаждения» перечисляются все виды огородных (и не только) культур высаженных владельцем участка: тут и кукуруза и подсолнечник, бобовые, «буряки», овощи; отдельной графой проходит сенокос, под него уходило от 10-ти до 15-ти соток земли. Везде имеются два показателя «план» и «факт», заполнена, правда, только графа «факт».

В подразделе «Фруктово-ягодные насаждения» графы «план» нет, там перечисляются породы садовых культур, ягодники и виноградники двумя показателями «корни, в том числе плодоносящие».

В разделе «Пчеловодство» учету подлежали ульи рамочные, ульи-лодки и общее число пчелосемей.

В разделе «Скот» шло детальнейшее перечисление всей живности, которую только мог себе позволить выращивать хуторянин, член сельхозартели «Красный Октябрь». Список заслуживает внимания, чтобы его перечислить. Вот он: коровы, нетели (телки покрытые), в т.ч. покрытые до 1-го октября, телки старше одного года, бычки от 1-го до 2-х лет, в т.ч. «волики — кастраты», телята от 6 месяцев до 1-го года, 6-ти месяцев, хряки-производители, хряки-

непроизводители и борова, свиноматки, в том числе свиноматки на опоросе, поросята 6-9-ти месяцев, 4-6-ти месяцев, до 4-х месяцев, свиньи до 1-года. Далее шли бараны, в том числе валухи-кастраты, матки, ярки. Что касается овцеголовья тут надлежало указать, какие овцы — грубошерстные, полугрубошерстные или же тонкошерстные. Далее шли козлы, козы, козлики, козочки, в том числе ангорские. Наконец, шла графа «Прочие виды скота» и завершалась страница учета подразделом: «Из имеющегося скота являются племенными. Виды и возраст скота».

Из всего вышеперечисленного на подворьях, содержали, как правило, одну корову, одного теленка, куда реже — поросенка (шкуру утенного кабана или свиньи, после того, как их зарежут, надлежало содрать и сдать в обязательном порядке, поэтому этот вид домашних животных всеми способами старались от учета утаить).

К началу 50-х дорог с твердым покрытием, связывающих хутор Шевченко с Алексеевкой и другими населенными пунктами не было. Открылся клуб, он находился неподалеку от теперешнего хуторского клуба. Современная улица Суворова, на которой клуб стоит, в те годы была центральной улицей хутора и основной «магистралью», связывающей Алексеевку с Авиловым. Правобережье Малого Несветая являлось как «периферией» хуторской жизни...

5. В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

К лету 1941 года хутор Шевченко внешне выглядел абсолютно так же, как и в предыдущие годы. Никаких видимых, а тем более — существенных изменений заметно не было. По-прежнему в хуторе совершенно отсутствовали дороги с твердым покрытием. Если еще в 1936 году один из населенных пунктов, территориально относившихся, как и Шевченко к Алексеевскому сельскому Совету — хутор Ильичевка — был полностью электрифицирован, то в Шевченко об этом и речи не заходило. Отсутствовал телефон, и вся связь осуществлялась посредством конно-нарочных. Обычная жизнь глубинного хутора. Было, правда, одно маленькое изменение, но оно было заметно исключительно местным жителям: неподалеку от северной окраины теперешней улицы Заречной был оборудован и должным образом обустроен общественный колодец — так называемая «криница». Находилась она примерно в двадцати метрах от современной «криницы», теперь это место затоплено водой и заросло камышом и лозой. Выкопать и оборудовать колодец помогли красноармейцы проходившей через хутор воинской части в 1940 году.

В хуторе в XIX41 году не было радиоприемников, в том числе и работавших на батарейках, поэтому о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз и начале Великой Отечественной войны жители Шевченко узнали только ближе к вечеру (с обращением к гражданам Советского Союза заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров Молотов выступил, как известно, в 12 часов по московскому времени, поэтому посланный из райцентра — села Соколовки — конный нарочный с известием о начале войны смог прибыть не раньше 15-ти часов, даже немного позже). Сразу же было объявлено о начале мобилизации жителей хутора призывных возрастов в Действующую армию.

Всего на протяжении 1941-44 годов было мобилизовано в Вооруженные Силы около 100 жителей хутора. При этом некоторые хуторяне в силу течения обстоятельств оказались не в Действующей армии, а в составе экспедиционного корпуса Красной Армии в Иране, и их долгие годы несправедливо не считали участниками Великой Отечественной войны. Они добросовестно служили там, куда их направила Родина. Автору этих строк известны имена двоих жителей хутора Шевченко, в годы войны проходивших службу в составе экспедиционного корпуса Красной Армии в Иране — это Иван Константинович Слепченко и Егор Егорович Шевченко.

Сколько всего жителей хутора Шевченко погибло на фронтах Великой Отечественной — достоверно указать не представляется возможным, кто-то из них уже служил к началу войны в армии, кто-то где-то учился или находился к командировке и был призван в Действующую из других мест, наконец, у кого-то из погибших не осталось ни родных, ни близких, и поэтому о них сейчас, в наши дни попросту ничего не известно.

На мемориальном щите, установленном над братской могилой в селе Алексеевка перечислено 105 фамилий жителей двух хуторов — Алексеевка, Шевченко, не вернувшихся домой с полей сражений. Эта цифра может хоть в какой-то степени служить отправной точкой при подсчете невосполнимых потерь среди хуторян в годы войны. Фамилии и годы рождения тех жителей хутора Шевченко, о гибели которых автору этих строк известно достоверно, указаны в «Сноске».

Поздней осенью 1941 года линия фронта почти что приблизилась к хутору Шевченко: 339-я стрелковая дивизия Народного ополчения держала оборону в непосредственной близости от хутора Большой Должик, Родионово-Несветайского района, это всего в восьми километрах от Шевченко. Отчетливо слышалась интенсивная артиллерийская канонада, в воздухе сновали наши и немецкие самолеты. Со стороны хутора Калиновка, упомянутого выше района во второй половине ноября появлялась на мотоциклах вражеская разведка. Но вскоре началось контрнаступление частей Красной Армии под Ростовом, и угроза захвата хутора противником была ликвидирована.

Летом 1942 года началось новое наступление немецких войск на Юге нашей страны. Фронт Советских войск был прорван на значительном протяжении и немцы хлынули в междуречье Волги и Дона. Боев в окрестностях хутора Шевченко отмечено не было, хотя хаотичная, беспорядочная стрельба наблюдалась. 24 июля через хутор потянулись на восток колонны немецких войск и их союзников — венгров, румынов, итальянцев. Больше всего запомнились хуторянам солдаты Королевской Румынии: они отличались какой-то особенной вороватостью — практически от них ничего из продуктов спрятать было невозможно. Вмиг найдут и уташат, норовя припрятать подальше от своих офицеров...

Установление оккупационного режима внесло в жизнь местного населения ряд существенных новшеств. Прежде существовавшая единая административно-территориальная единица — Алексеевский сельский Совет — была упразднена. Появились сразу три новых административных единицы со своей местной властью. В Алексеевке,

как казачьем населенном пункте, появилось атаманское правление и атаман, некто Копанев, щеголявший полной казачьей формой старого образца, отобранной у пожилого казака Ивана Ивановича Пятницына. В подчинении у него было шестеро полицейев. В Ильичевке по просьбам местных жителей хуторским старостой назначили бывшего председателя колхоза Ф.П. Гунина, много сделавшего для земляков в период оккупации. В Шевченко старостой немцы сначала назначили Андрея Митрофановича Скрипникова — в прошлом сельского активиста. А после того, как он был оккупантам и расстрелян, по единодушной просьбе хуторян старостой был поставлен Тимофей Васильевич Щербаков, защищавший интересы местных жителей перед оккупантами.

Кроме старосты, в хуторе имелись еще двое полицейев: один из числа бывших военнопленных, другой из местных — Иван Максимович Козырев. Ничего негативного об их деятельности из уст местных жителей слышать не приходилось. Наоборот — они по мере сил и возможностей старались защитить хуторян от произвола солдат проходивших через Шевченко вражеских маршевых колонн.

Сразу же с приходом в хутор Шевченко оккупантов, для жителей хутора была установлена обязательная трудовая повинность. Не работавшим угрожала расправа, а также (как неказакам) — возможная отправка на каторжные работы в Германию (казаков немцы не трогали, они считались по отношению к Германии «дружественной стороной»). За свой труд каждый отработавший положенную норму житель получал вознаграждение: 16 кг зерна (чаще всего — кукурузы) в месяц. От обязательной трудовой повинности освобождались те молодые люди допризывного возраста, которые «записывались в казачки», в военизированных формированиях которых велась начальная военная подготовка. Из числа «казачков» планировалось готовить пополнения для «остовцев» — казачьих формирований, — сражавшихся на стороне гитлеровской Германии. Командовал этими формированиями бывший донской атаман П.Н.Краснов.

Интересная деталь: при наборе молодежи в «казачки» туда записывали тех, кто не возражал, не глядя на происхождение — казак или не казак молодой человек. Позднее, по мере приближения частей Красной Армии, «казачки» разбежались из прогитлеровских формирований, были призваны в Красную Армию и честно воевали на фронтах Великой Отечественной. Молодые люди в 1942 году записывались в эти формирования с двумя целями — не желая отбывать трудовую повинность и чтобы избежать возможной отправки в Германию.

После почти семи месяцев оккупации, 14 февраля 1943 года хутор Шевченко был освобожден наступающими частями Красной Армии.

Подготавливая к публикации данную брошюру, автор представил материал, посвященный, прежде всего, непосредственно истории хутора. В мою задачу не входило собирать и готовить материалы, посвященные героическим путям земляков на фронтах Великой Отечественной. Это — особая тема, которая не уложится в ограниченные рамки брошюры.

СНОСКА: СПИСОК ЖИТЕЛЕЙ ХУТОРА ШЕВЧЕНКО
МОБИЛИЗОВАННЫХ В ДЕЙСТВУЮЩУЮ АРМИЮ В 1941-44 ГГ.
С МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА

1. Авдулов Степан Степанович 1907 г.р.
2. Авдулов Терентий Федорович 1908 г.р.
3. Базовой Иван Петрович 1903 г.р.
4. Выборный Иван Федорович 1925 г.р.
5. Галушкин Иван Степанович
6. Галушкин Петр Степанович 1926 г.р.
7. Гарбузов Сергей Иванович 1921 г.р.
8. Гарбузов Дмитрий Иванович 1924 г.р.
9. Гарбузов Андрей Иванович 1926 г.р.
10. Дудников Пантелей Александрович 1916 г.р.
11. Задорожний Николай Никифорович
12. Засядько Никифор Савельевич 1900 г.р.
13. Засядько Василий Никифорович 1926 г.р.
14. Данильченко Петр Никитович 1910 г.р.
15. Копаев Иван Павлович 1926 г.р.
16. Левченко Леонтий Архипович 1900 г.р.
17. Луговской Иван Антонович 1909 г.р.
18. Любченко Семен Семенович 1921 г.р.
19. Ляшенко Мефодий Васильевич 1900 г.р.
20. Ляшенко Иван Васильевич 1907 г.р.
21. Ляшенко Григорий Мефодьевич 1926 г.р.
22. Зинченко Федор Ефимович 1901 г.р.
23. Маяцкий Арсений Митрофанович 1911 г.р.
24. Маяцкий Василий Алексеевич 1924 г.р.

25. Мазин Иван Степанович 1915 г.р.
26. Мозговой Илья Иванович 1906 г.р.
27. Мозговой Павел Степанович 1911 г.р.
28. Мозговой Иван Николаевич 1920 г.р.
29. Марченко Иван Васильевич 1910 г.р.
30. Резников Митрофан Алексеевич 1914 г.р.
31. Резников Александр Алексеевич 1921 г.р.
32. Резников Свирид Данилович 1901 г.р.
33. Резников Андрей Дмитриевич 1903 г.р.
34. Резников Павел Данилович 1897 г.р.
35. Резников Николай Павлович 1926 г.р.
36. Резников Михаил Иванович 1913 г.р.
37. Руденко Владимир Яковлевич 1907 г.р.
38. Подумеев Иван Александрович 1926 г.р.
39. Подумеев Яков Александрович 1921 г.р.
40. Сердюков Федор Филиппович 1905 г.р.
41. Сердюков Дмитрий Филиппович 1913 г.р.
42. Сердюков Пантелей Филиппович 1916 г.р.
43. Слепченко (Колесникова) Екатерина Константиновна 1925 г.р.
44. Таранцов Федор Трофимович 1916 г.р.
45. Твердохлебов Яков Силантьевич 1920 г.р.
46. Твердохлебов Иван Силантьевич 1926 г.р.
47. Удовиченко Николай Тимофеевич 1921 г.р.
48. Чистяков Илья Филиппович 1923 г.р.
49. Щербаков Тимофей Васильевич 1907 г.р.
50. Удовиченко Дмитрий Васильевич
51. Шевченко Алексей Романович 1919 г.р.
52. Авдулов Иван Федорович 1925 г.р.
53. Кравченко Федор Григорьевич 1911 г.р.

СНОСКА-2: СПИСОК ЖИТЕЛЕЙ ХУТОРА ШЕВЧЕНКО,

ПОГИБШИХ НА ФРОНТЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1. Выборный Иван Федорович
2. Гарушкин Иван Степанович
3. Гарбузов Сергей Иванович
4. Гарбузов Дмитрий Иванович
5. Запорожний Николай Никифорович
6. Данильченко Петр Никитович
7. Левченко Леонтий Архипович
8. Резников Павел Данилович
9. Удовиченко Дмитрий Васильевич

6. КОЛХОЗ ИМЕНИ В.М. МОЛОТОВА.

В 1951 году по всей стране в рамках разработанной программы интенсификации сельского хозяйства проходила широкомасштабная кампания соукрупнения относительно небольших сельхозартелей в достаточно крупные и очень крупные. На указанный момент на землях Алексеевского сельского Совета располагались три колхоза — «Красный Урожай» в Алексеевке, «Имени 13-летия Октября» в Ильичевке и «Красный Октябрь» в Шевченко. Было принято соответствующее решение на базе данных трех хозяйств образовать одно, которое получило название колхоза имени В.М.Молотова.

Центральной усадьбой нового укрупненного хозяйства стала Алексеевка. На базе колхоза «Красный Урожай» была образована комплексная бригада № 2. Колхоз «Имени 13-летия Октября» был реорганизован в 1-ю комплексную бригаду, а «Красный Октябрь» — соответственно — в 3-ю комплексную бригаду. Эту бригаду возглавил, работавший до того председателем «Красного Октября», Константин Васильевич Резников. Колхозом же имени Молотова стал руководить Семен Митрофанович Кириченко, до соукрупнения работавший председателем колхоза «Имени 13-летия Октября».

Спустя два года С.М. Кириченко сменил на посту председателя правления колхоза Никита Платонович Кобзарь, которого на эту должность рекомендовало партийное и советское руководство Красногвардейского района. Он прибыл, как тогда было принято говорить, «для укрепления колхоза». Ранее он работал на различных руководящих должностях в Соколовке. А в XIX56 году колхоз имени Молотова возглавил Павел Иванович Пономарев.

Годы, в течение которых колхозом руководили эти три председателя были знаковыми в жизни хозяйства: в колхозе значительно увеличивается количество и разнообразие сельскохозяйственной техники, в следствие чего ведется усиленная распашка залежных и целинных земель, расширяется сектор животноводства, в том числе скотоводства и овцеводства. Развивается птицеводство. В частности, в 3-й комплексной бригаде появляется собственная птицеферма ПТФ, просуществовавшая вплоть до середины 70-х годов. Заведующим ПТФ 3-й бригады стал работать Степан Степанович Авдулов. Его сын — Николай Степанович, наверное, самый «титованный» уроженец хутора Шевченко. Он — доктор исторических наук, профессор. Проживает в Ростове-на-Дону.

С 1956 года бригадиром комплексной бригады № 3 работал Василий Филиппович Чистяков. С 1959 года он был переведен на должность заместителя председателя колхоза по административно-хозяйственной части (АХЧ). Проработал в этой очень хлопотной и ответственной должности В.Ф. Чистяков всю свою жизнь...

С 1956 года интенсивными темпами начинает вестись строительство зимних корпусов для содержания крупного рогатого скота, поголовье которого увеличивалось с каждым годом. Ферма обрела то свое специфическое «лицо», которое так хорошо знакомо всем жителям хутора Шевченко среднего и старшего поколения. Вслед за «Белым» сараем возведен «Красный» сарай, получивший свое название за красный цвет черепицы, которой застелили крышу коровника. Затем в строй вступил «Комсомольский» сарай: в нем работала тогда исключительно молодежь. Практически одновременно в эксплуатацию был сдан сарай под названием «Глагол» — внешне он выглядел несколько непривычно в виде буквы «г» (по-старому «глаголь»). Этот сарай памятен всем, то так или иначе был связан с МТФ № 3 колхоза имени Молотова: именно в нем в 50-е годы велась комплектация «елочки» — механизированной дойки. Но автодойка появилась несколько позже — в XIX60 году, когда хутор был электрифицирован. В 50-е годы трехкратная дойка проводилась в ручную. Каждая доярка обслуживала в среднем 18-25 коров.

В конце 50-х была построена «родилка». Между зимними корпусами стояло небольшое строение «нарядной» — там заведующий МТФ доводил до работников фермы наряды на текущий день, там же проводились собрания работников и проводились политзанятия.

В 50-е годы абсолютно все работы на ферме проводились вручную. Кроме трехразового доения коров — это регулярное кормление скота, а также уборка и вывозка навоза из коровников. Скотники вывозили навоз в кучи, располагавшиеся прямо перед сараями. За зимний период собирались кучи очень внушительных размеров. Затем скопившийся за зиму навоз свозили в специальные кучи-насыпи, а уже оттуда спустя несколько лет, образовавшийся в результате разложения навоза перегной на быках вывозили на поля в качестве удобрения. Минеральных удобрений тогда в колхозе не применяли.

Рядом с корпусами МТФ размещались скирды сена и соломы. Каждый год после уборки урожая сено и солому быками на арбах, (которых в бригаде насчитывалось семь) свозили поближе к ферме и уже здесь скирдовали. При этом сено свозилось к ферме и скирдовалось здесь абсолютно все, тогда как скирды соломы порой размещали прямо на краю поля, иной раз на значительном расстоянии от МТФ.

Силосование зеленой массы кукурузы стало активно использоваться в хозяйстве несколько позднее, с начала 60-х годов.

Летние лагеря содержания крупного рогатого скота и телят «базы» — своего постоянного места пребывания не имели. Обычно через каждые несколько лет эти места менялись. Сами базы, ясли-кормушки и станки для ручной дойки коров из досок и жердей в короткий срок возводили плотники под руководством Михаила Андреевича Скрипникова.

При необходимости «базы» так же оперативно демонтировались.

На дальней окраине западной стороны фермы была построена маленькая осеменаторская, где проводилось искусственное осеменение коров.

Поголовье крупного рогатого скота с каждым годом неуклонно росло. С целью нормального обеспечения скота водопоем, по балке Улюк были возведены три плотины. Одна, небольшая по размерам — рядом с ПТФ, другая — в 300-х метрах ниже по течению от первой, а третья, насыпанная несколько позднее, в километре с небольшим, выше по течению ручья по Улюку, долгое время в обиходе именовалась то «Большой» (её размеры действительно были впечатляющими), то «Новой». Рядом с «Новой» плотиной был высажен большой колхозный сад. В годы председательства П.И. Пономарева «Новая» плотина была зарыблена мальками карпа и сазана. Плотина стала охраняться сторожами, туда были завезены лодки.

Интенсивное освоение целинных и залежных земель привело к тому, что к середине 50-х годов нераспаханной земли в колхозе практически уже не осталось. Как следствие этого на полях стали распространяться различные болезни и сельскохозяйственные вредители, бороться с которыми было довольно сложно как раз потому, что новые освоенные площади были слишком большими и слишком мало было средств борьбы с болезнями и вредителями.

Одним из главных сельскохозяйственных вредителей является клоп-черепаха. Как известно, в 50-е годы малая авиация еще не была в полной (и даже — в относительно достаточной) степени поставлена на службу сельскому хозяйству. В этом направлении тогда только проводились (и то крайне осторожно) эксперименты. Что же касается обычной наземной техники для химической обработки посевов, то ее еще не было вовсе.

В колхозе имени Молотова в рамках проводившегося тогда в Каменской области эксперимента (в середине 50-х годов Ростовская область очень непродолжительное время была разделена на собственноростовскую и каменскую области, Красногвардейский район во-

шел в состав Каменской) для борьбы с клопом-черепашкой довольно широко применялись передвижные летние птичники, как средства биологической защиты полей от вредителей, прежде всего — от клопа-черепашки.

Известно, что клоп-черепашка долгое время после уборки урожая остается на скошенном поле, а на зиму перебирается в лесополосы. Когда цыплятам исполнялось примерно два месяца, передвижные птичники вывозили их прямо на поля. Цыплята в указанном возрасте уже способны самостоятельно отходить от птичника на значительное расстояние и находить дорогу обратно. Питались цыплята поживными остатками и клопом-черепашкой.

Каждый домик передвижного птичника представлял из себя небольшое деревянное сооружение, которое на деревянных же санях тянул за собой гусеничный трактор.

Цыплята, выращиваемые в таких передвижных летних птичниках, потребляли и специального корма значительно меньше, чем на стационарном птичнике, находясь на свежем воздухе, они меньше болели и вырастали крепкими, поэтому при реализации всегда и неизменно пользовались повышенным спросом.

При содержании полевых передвижных птичников, естественно, строго соблюдались все необходимые санитарные нормы, в места нахождения птичника регулярно завозились вода, камень-ракушечник, там посменно дежурили птичницы и сторожа. Приходилось защищать цыплят от лисиц и хищных птиц.

Инкубатора для выведения цыплят в 3-й комплексной бригаде не было. В колхозе имелся электромеханический инкубатор, он находился в Алексеевке, там, где некогда стояла колхозная столовая. Эксперимент по использованию полевых передвижных птичников в качестве биологической защиты полей был успешным. Этим способом и пользовались и в дальнейшем, вплоть до середины 70-х годов, когда с развитием сельскохозяйственной авиации передвижные птичники утратили актуальность и перестали использоваться...

В XIX56 году МТС были реорганизованы в РТС (ремонтно-технические станции), техника продана колхозам и совхозам. Бригадиром уже полностью самостоятельной тракторной бригады в 3-й комплексной стал Василий Иванович Марченко, с 1959 года перешедший на работу старшим механиком колхоза.

Вплоть до конца 50-х годов колхозные руководители в качестве транспортного средства пользовались «линейками», в штате конторы значился кучер. Районный центр, куда приходилось регулярно ездить,

располагался недалеко, добираться туда на лошадях было крайне неудобно и при П.И. Пономареве для правления колхоза были приобретены два легковых автомобиля — «Волга» для председателя и «Победа» для парторга. До самой середины 70-х годов другой техники в распоряжении колхоза не было.

В 1957 году колхоз имени В.М.Молотова был переименован в колхоз имени XX партсъезда и носил это имя до 1992 года, когда был реорганизован в ТОО «Несветай».

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Статистическое описание области Войска Донского. Нч, 1884.
2. Сб. Донская археология. 1999-2001.
3. Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978
4. Карташов Ю.И. Казачьи населенные пункты Всевеликого Войска Донского в XIX18 году Ростов н/Д, 2000.
5. Фонды Шахтинского филиала Ростовского областного государственного архива (ЦХД).
6. Фонды Новошахтинского городского краеведческого музея.
7. Личный архив автора.
8. Газета «Свет Октября», 1949-51 г. г.
9. Газета «Призыв», 1989-90 г. г.
10. Газета «Сельский вестник», 1996, 1999-2004, 2007 г. г.